

ВПЕРВЫЕ В ОДНОМ ТОМЕ!

АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ

ТТ

ТУЛЬСКИЙ — ТОКАРЕВ

Андрей Дмитриевич Константинов Тульский – Токарев

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11284450
Тульский – Токарев / Андрей Константинов: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-44027-4, 978-5-9725-2304-7*

Аннотация

Артур Тульский с малых лет мотался со шпаной, и его воспитывал вор по прозвищу Варшава. Тульский подсознательно был готов выковать авторитет в криминальной среде.

Артем Токарев рос с отцом, работавшим в уголовном розыске, и мечтал стать опером. Но жизнь смешала все планы...

Артем в случайной драке заработал судимость и лишил себя возможности попасть в органы. Артур, на собственном опыте познав цену блатной романтики, пошел служить в уголовный розыск.

Их судьбы переплелись, несмотря на различия характеров и воспитания. И когда в их жизни появляется тень серийного убийцы, они принимают решение найти его...

Последствия будут необратимы...

Содержание

Книга 1	5
Авторское предисловие	5
Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Андрей Константинов Тульский – Токарев

© А. Константинов, 2007

© ООО «Астрель-СПб», 2012

* * *

Книга 1

Семидесятые. Восемидесятые

Авторское предисловие

Эта книга, которую Вы, Уважаемый Читатель, держите сейчас в руках, далась нам нелегко. Нам – потому что делал я ее вместе с Евгением Вышенковым, моим другом, с которым в 1980 году мы поступили на восточный факультет Ленинградского университета. Я потом стал военным переводчиком, а Евгений ушел работать в уголовный розыск. Много чего случилось в наших жизнях, прежде чем мы стали работать вместе в Агентстве журналистских расследований – я директором, а Евгений – заместителем директора. Приключений разных было много – и смешных, и страшных. Всяких. В том числе и таких, о которых не хочется вспоминать. Если Вы, Уважаемый Читатель, знакомы с романом «Мент» – то Вам, наверное, любопытно будет узнать, что прототипом Александра Зверева как раз и был Евгений. Он не захотел, чтобы его имя было вынесено на обложку. Почему – думаю, об этом надо спросить его самого. Я лично объясняю это специфическими особенностями его характера. Имеет право. Тем более что у меня характер тоже не сахар.

Нам было интересно работать, и это было честное соавторство. Что из нашей работы получилось – судить Вам, Уважаемый Читатель.

Если кто-то заметит в книге что-то очень знакомое и лично его касающееся – сразу предупреждаю, что книга все-таки художественное произведение, а стало быть, ее фактура не может быть использована в суде. Заранее прошу прощения за использование грубых и ненормативных выражений – но из песни слова не выкинешь, некоторые фразы иначе просто не построишь. Вернее – построить-то можно, но такая «политкорректная» переделка, с моей точки зрения, будет попахивать ханжеством. Некоторые истории можно рассказать только специфическим языком, особенно если рассказывается мужская история...

*Андрей Константинов
15 февраля 2003 года,
Санкт-Петербург*

Часть I Семидесятые

...Кажется, что давно это было, очень давно. И не потому, что с тех пор прошло много лет, а потому, что тогда была другая цивилизация. Жизнь устраивалась и складывалась совсем по-другому. И Петербург уже и еще назывался Ленинградом. Это был другой век и совсем другая жизнь... Она была настолько другой, что много лет спустя, уже в самом начале следующего века, один из героев этой истории в разговоре с приятелем случайно обмолвился, вспоминая учебу в школе, из которой выпустился в «олимпийском» восьмидесятом году: «А я не помню, каким был тогда... Каким-то другим, а каким – не помню... Это ж так давно было – еще до войны»... Сказал – и осекся, смутился, потому что ни в Афганистане, ни в Чечне, ни в иных прочих интернациональных и горячих точках не был. Но собеседник понял: «Все ты правильно сказал. Действительно, – до войны... Какая разница, как ее называть – гражданская, бандитская или социальная...»

Да, это было другое время и другая музыка жизни... Но Город все равно был Питером, и Васильевский остров так же называли Васькой. И еще было много того, что осталось и сохранилось, – но спряталось потом до поры, до того момента, когда понадобится вспомнить... и увидеть мосты в то время, которое никуда не исчезло. Главное – это выбрать правильный мост и успеть пройти по нему в правильном темпе.

Итак, Питер, Васильевский остров, семидесятые...

Жили тогда на Острове (а именно так, кстати говоря, многие жители Васьки и называли свой район) два мальчика – очень не похожие друг на друга, родившиеся в разных семьях и по-разному воспитывавшиеся. Но оба они с раннего детства не любили, чтобы их называли мальчиками, предпочитая слышать другие слова: ребята, пацаны или еще какие-то – не в словах, в общем-то, суть... Они росли, не зная друг друга, и при всей несхожести жизней детство у обоих было счастливым, правда, оба они об этом совершенно не задумывались. До поры... Одного из них звали Артуром Тульским, а второго – Артемом Токаревым. И, естественно, оба они даже и догадываться не могли, что Судьба свяжет их в неразвязываемый узел.

Тульский – Токарев... Если убрать тире, то получится словосочетание, ставшее культовым с конца восьмидесятых и в течение почти всех девяностых не только в Питере, но и по всей России, потому что именно так звучит полное название пистолета «ТТ», излюбленного оружия киллеров и братков всех мастей, полюбивших в годы Великой Криминальной Войны «тэтэху» за высокую убойную силу (бронезилет как иглой прошивался), за дешевизну и доступность. Всего этого мальчики знать в начале семидесятых, естественно, не могли. Да и не только они – кто, в каком мистическом бреде мог тогда нафантазировать, что Город сложит две судьбы, чтобы получить необходимое оружие, – хотя бы для одного, но беспощадного выстрела...

Был, правда, и еще один мальчик – также ровесник Тульского и Токарева, и, не появившись он на свете, может быть, и не было бы необходимости двум судьбам сливаться в одно оружие (у Судьбы ведь не только орудия есть, имеется и оружие), но... Но не хочется пока называть имени этого третьего. Рассказываемая история – это история Тульского – Токарева, а третьему в ней достанется место похожего на тире прочерка...

Тульский

10 апреля 1972 г.

Ленинград, В. О., Галерная гавань

Обыкновенный питерский двор-колодец жил своей обыкновенной жизнью. Чуть ли не треть окон завешано разнотонным, но в целом почему-то бесцветным бельем на просушке, пригашивавшим звуки коммунальных кухонь и впитывавшим вылетавшие оттуда же запахи – очень разные, но с преобладанием аромата жаренной на шипящем сале картошки. В таких дворах почти никогда не бывает тихо, хотя шумы смысловые (вроде женского голоса, звавшего Леву домой немедленно) прорезали фоновый гул-ворчание не так уж и часто. В Питере климат не разрешает кричать долго и много, как на Юге, – горло застудить легко. В Питере принято разговаривать приглушенно – как правило, потому что бывает, естественно, по-всякому...

Вот и шпанская гаванская ватага, приютившаяся на разжеванных скисшим снегом скамейках во дворе, вела себя не шумно. Кто-то забыл, а многие и не знали никогда, что питерские шпанские ватаги того времени были почти национальностью, – с характерными отличительными чертами.

Непередаваемые ухмылки, сопровождаемые неподражаемым сплевыванием через зуб, – догадайся с двух заходов, сколько раз нужно было без очевидцев цыкнуть, упражняясь, чтобы потом плевок в обществе получился естественным и уместным? Да при этом нужно было еще ненавязчиво и тактично продемонстрировать забытые ныне фиксы – целая наука... А кепки? Правильно их носить могла только шпана, потому что лишь настоящий матрос умеет, не надрываясь, удерживать на затылке бескозырку.

А еще шпана умела говорить глазами, и взгляды их школьницы из приличных семей не держали.

Почти на всю скамейку разбушлатился посреди молодых взрослых мужчина – не молодой и не старый, но вряд ли кто дал бы ему уже прожитые сорок пять – а сколько из них он подарил Хозяину, надо было проверять по специальным учетам.

Взрослый пользовался многими именами, но звали его Варшавой, и он был настоящим вором, потому что и воры бывают по-настоящему талантливыми в своем деле. Легенд о нем ходило много; рассказывали, например, что в ресторанах умел Варшава перекусывать зубами золотые цепочки с полных шей взопревших от волнения торговых дам. Если кто не верит – может проэкспериментировать, чтобы убедиться – умение такое враз не выстрадаешь. А если оставить сдачу романтике – то был Варшава правильным вором, то есть таким, который к слову «карман» ну никак не мог добавить прилагательное «чужой», который если уж вынимал из кармана финку – то не для того, чтобы «попужать». Жизнь за Варшавой угадывалась страшная, но на широту его души не повлияло (вернее – повлияло в плюс) то, сколько раз он был бит и проловлен.

Варшава мог легко, с настроения, «отломить» местной бабушке все вот только сейчас «воткнутые» дензнаки – без свидетелей и бубнового будущего интереса. Наворочавшись на нарах, навывывавшись и выковавшись в Личность, Варшава легко, порой с одного взгляда, делил сотрудников милиции на «цветных» и «лежавых», причем к последним, как это ни странно, в глубине души относился с симпатией. Бывалый взгляд мог увидеть за его обтянутыми сухой, словно дубленой, кожей скулами несколько этапов в сталинских эшелонах. Сам же Варшава умел смотреть собеседнику сквозь лицо, упираясь в затылок. От такого взгляда становилось крайне неудобно, казалось, что он мог видеть дырки на носках через ботинки. Разговаривать с ним было непросто, потому что стержень разговора он хватал сразу и потом буквально наматывал на этот стержень фразы – и свои, и собеседника. Интересная у него имелась привычка: в словесном споре Варшава откидывался чуть назад, прикрывал ладонью глаза, потом раздвигал пальцы, прищурился-прицеливался в просвет, а потом, растягивая по-блатному гласные, начинал вдруг швырять (как поленья) короткие и очень емкие мысли.

Несмотря на все прожитое, тело вора оставалось сильным и витым, но без дерганой лагерной истеричности, а ростом он вышел выше среднего. Силу давала горячая кровь, полная энергии, и нутро, рожденное быть зависимым только от своей совести. Интересно, что за все лагерные годы, когда холодно было лишь летом, а зимой – жутко, он не приобрел ни одной чернильной точки под кожей. Этим, кстати, несмотря на ортодоксальную воровскую татуировочную традицию, заслужил себе Варшава скрытое и не всегда приязненное уважение своих.

На его мировоззрение сильно повлияли два устных рассказа и одна книга. Он был восьмилетним беспризорником, когда услышал случайно и запомнил сетования старого вора: «...раскатали веру, як тесто. Можно политических щемить теперича! И это – дошло до того, что блатные святую пайку отбирают у очкариков!¹ Трясина... Если гэпэушники потекают – значит, их выгода! А на кону-то: воры исполняют волю власти... Конец идее. Мне – скоро в рай. Вам хлебать».

Много позже, на пересылке в Ивдельлаге, зацепил ухом Варшава второй рассказ – и тоже о блатном и об Идее: «...Чилиту расстреляли через несколько месяцев, но уже в Ветлаге. Он филонить стал при кочегарке и убил какого-то зэка, закопал его в снегу, отрезал по кускам и ел. Вскрыли это случайно. Начальник 20-го лагпункта Ветлага с оперуполномоченным Мисиным дали команду его расстрелять. Не судили, вывели прямо за КСП... Ой, как он кричал!»

В Ивдельлаге Варшава еще застал булькающую в крови, отворенной заточками, сучью войну – там он окончательно все понял про Воровскую Идею. Изменить, однако, он ничего не пытался... Что же касается книги, которая помогла ему выстроить внутренний мир, то это был «Морской волк» Джека Лондона. Впервые прочитав ее еще в досудимом возрасте, Варшава много раз потом перечитывал этот роман в лагерях.

Во двореике, среди молодежи, Варшава оказался не случайно: именно этот двор был ему особенно дорог (хотя он сам и не согласился бы с таким утверждением), поэтому инстинктивно он часто назначал серьезные встречи именно здесь. Может быть, даже слишком часто – но ведь он не был профессиональным разведчиком...

А дожидался Варшава двух жуликов с улицы Шкапина, они днем раньше интересно предложились. А от Варшавы зависело решение – его прерогативой было произнести необратимое «ДЕЛАЕМ». Однако что-то в этом предложении Варшаву настораживало. Хотя предлагали не сберкассу лохматить, а реальное – ломануть дачу известного хирурга, профессора медицины Годлевского. Кураж-то был, но чуйка беспокоила... А Варшава всегда боялся перепутать чутье с обычным страхом. Вор что-то говорил, улыбаясь, пацанятам, вившимся вокруг него, а сам напряженно думал: «За дачу светилы Крошка поет кудряво. И вор Кроха хваткий. Что ж сам-то не слазает, зачем в долю позвал? Устал? Это ладно... А вот в глаза не дает забегать... Надо бы об душе навести справки...»

Вор досадливо встряхнул головой и сказал, как сплюнул:

– Докука – метнулся!

Юркий паренек прямо с корточек одним движением перевалил через штакетник и побежал за водкой. Варшава улыбнулся и подмигнул самому младшему в ватажке – беленькому пареньку лет десяти, смотревшему на вора широко распахнутыми серыми обожающими глазами. Из-за этого пацаненка, жившего в седьмом подъезде на третьем этаже вдвоем с матерью, Варшаву и тянуло именно в этот двор.

Взгляд вора, в котором было много невысказанного, перехватил молоденький «крадун» по прозвищу Обоснуй – из тех, кто подхватывает на лету и далеко идет во всем.

¹ По воровскому закону хлебная пайка считается неприкосновенной.

– Шесть нуль семь, – кивнул Обоснуй на новые дорогие часы, украшавшие правое запястье Варшава. – Не опасаясь, что котлами заинтересуются?

– Не пропадем, но горя хватим, – усмехнулся Варшава. Часы были чистыми, но не объяснять же?..

– А горе – это когда два столба с перекладиной? – солидно, тренируя усталую этапную манеру, поинтересовался будто невзначай Обоснуй.

– Две доски вместо постели – уже не козыри, – автоматом с ходу ответил Варшава и лишь потом вздернул вверх брови, удивившись к месту вставленной мальцом фразе.

– Когда правый висок сбривают – тоже не рахат-лукум, – встрял в серьезный разговор, цепляясь за филологию, а не за смысл, Гога – сосед по коммуналке убежавшего Докуки. Гоге вор казался старым, а Обоснуй – взрослым.

Варшава не выдержал и расхохотался в голос:

– Э-э, рысь нерчинская!

Указательным пальцем правой руки вор легко щелкнул Гогу в нос, а остальными одновременно сбил козырек кепки мальчишке на глаза – тому реакции хватило только моргнуть.

Встав со скамейки и хрустко потянувшись, Варшава вдруг гулко ухнул на весь двор – как в ржавый рупор на буксире:

– Эй, Токарев, я тебя не боюсь!

А потом добавил тише, словно сам с собой разговаривал:

– Пацаны шуршат – в государевом санатории бедуешь в пижаме... Не потеряйся, пинчер!

Компания взорвалась смехом. Объяснений не требовалось. Все откуда-то знали, что Токарев – характерный оперуполномоченный местного уголовного розыска – обещал подловить Варшаву. К этому двору опер имел отношение через шестой подъезд, где на втором этаже обитала официантка Зина, волновавшая шпану длинными ногами и смачной, но подтянутой задницей.

Пользуясь настроением, Обоснуй придвинулся к вору ближе и попытался обозначить волновавшую его проблему:

– Тебе видней, Варшава, а только зря мы вчера центровых отхлестали.хлопотно может статья...

– Боишься или опасаясь? – вор спрятал улыбку, оставил только незаметную язвительную усмешку на дне прищурившихся глаз.

– Я к тому, что надо было бы... – Обоснуй, не замечая подвоха, начал было развивать мысль, а вор помог ему дорулиться, якобы добродушно покивав:

– Один мой знакомый квартальный посадил как-то жану на пятнадцать суток за мордобой посуды в местах приема пищи. И изрек: «Жакон есть жакон!» Мудрый человек! Опорный пункт власти блатные, крестясь, обходили...

– Вот и я про то же... – обрадовался Обоснуй и прям-таки полез в яму, в два удара выкопанную ему вором. – Заранее если бы поддержку нашли у...

Свалиться в яму окончательно Варшава ему не дал, звонко перебив:

– Библия не нами писана! Коммунары, которые на маленькую букву «бе» – видал, как за свою идею в харю целются?! Дорога на Воркуту впритык костями троцкистов-утопистов застлана! И потому власть их – как кол в мерзлом грунте – не расшатаешь! А тут каждый фраер на вора кожу морщить будет! Сначала с цветными все «по делу» договариваются, а потом? Нишкни от греха!

– Да что ты, что ты? Я и права не имею... – мигом отшатнулся от него к тут же отвернувшимся пацанам Обоснуй.

– С чего начинается биография вора? – утратив интерес к Обоснуй, Варшава обвел глазами всех, но остановился на Гоге.

– С малолетки сидеть, в армии не служить и... и... – Гога начал чеканить, словно молодой рядовой, но запнулся и завертел головой, ища поддержки. Взгляд его упал на Обоснуя, но тот только ниже опустил голову. Гога перестал дышать.

Варшава насупился, но потеплел и, сбивая накал, сказал серьезно, давя морщинами улыбку:

– И под хвост не баловаться...

Компания хрустко, навзрыд заржала, а вор, прячась в общем смехе, снова перевел погрустневший взгляд на неуверенно улыбавшегося беленького десятилетнего паренька, мало что понявшего в случившемся на его глазах уроке словесного фехтования.

«А еще – не иметь семьи: ни жены, ни детей», – эту мысль Варшава озвучивать не стал – уж больно невпопад сердце екнуло.

Под угасавший уже смех очень вовремя нарисовался Докука с «беленькой» за пазухой – пацан обернулся мигом и сдержанно гордился тем, что даже не запыхался.

Бутылку опрокинули быстро – по кругу от старшинства. Докуке и Гоге досталось лизнуть, а младшего, сероглазого, Варшава и вовсе предостерег:

– Погоди, малой, тебе еще рано. Ежели начнешь не в свое время – баловство будет не в радость, а в слабость. Успеешь.

Сероглазый улыбнулся в ответ и не подумал усомниться в справедливости сказанного.

Какой кураж без лирики? Одной рукой Обоснуй извлек из-за скамейки видавшую виды гитару и ударил по струнам, не глядя на вора, но обращаясь явно к нему. Пытаясь зализать свой давешний промах, парень явно не сек, что Варшава инцидент уже «проехал»:

Вот раньше жизнь!
И вверх и вниз
Идешь без конвоиров, –
Покуришь план,
Идешь на бан
И щиплешь пассажиров.
А на разбой
Берешь с собой
Надежную шалаву,
Потом за грудь
Кого-нибудь –
И делаешь Варшаву...

Вор, словно не услышав песню, вдруг придвинулся к самому маленькому – к тому самому сероглазо-единственному, и провел жесткой рукой по светлым волосам. Мальчишка задохнулся от счастья, и в глазах его вот-вот – но все же не появились слезы – от радости соприкосновения со своим героем.

А Варшава, разглядывая его лицо, вдруг заговорил совсем уж непонятно:

– Ишь – взгляд-то не рабский... И мать твоя – не тетка, а барышня. Потом поймешь, в чем разница... Каково сладишь с жизнью? И чего больше соберешь – ошибок или попыток?

В окружении ворохнулся было смешок, но вор передернул бровями, как затвором, и смешок умер. Никто ни в чем не разобрался, но лица скроили понимающие – от греха подальше, и, к чертовой матери, зауважали все наперед.

(Много времени спустя подросший мальчишка увидит у артиста Глебова, сыгравшего в фильме «Тихий Дон» Мелехова, похожий залом брови. Отпрянув от телевизора и потемнев серыми глазами, он неожиданно для самого себя проговорится: «Варшава так умел».)

Во дворе нарисовались фигуры шкапинских жуликов. Вор шагнул было к ним, но снова обернулся к светловолосому. На глазах у всей обалдевшей компании он снял с языка настоящую бритву – оказывается, он незаметно гонял ее во рту весь разговор. Это было особое воровское умение, особый воровской шик – прятать острую бритву во рту, чтобы в нужный момент плюнуть ею или, зажав зубами, резануть в драке противника по лицу или по шее.

– На память, – Варшава авторитетно протянул сталь мальчишке и добавил: – Необходимая порой вещица. Учись тупой мойкой. В лихую минутку стеганешь гада.

Ватага только ахнула.

Варшава упругими шагами шел к «шкапинским» – внутренне он все уже для себя решил – кураж победил чутье, и победа эта подарит вору новые пять лет лагерей. Но он этого еще не знал и шел упруго и чуть картинно, лопатками чувствуя восхищенный взгляд мальчика. Сероглазого звали Артуром Тульским, и он был действительно счастлив. А рядом стояли Гога и Докука (в миру обычные школьники – Бычков и Лукша) и добавляли в бочку счастья свою боязнь попросить подержаться за подарок. У всех троих судьбы сложатся по-разному, но странное дело: эта сцена, как вор дарит лезвие бритвы, врежется в память каждого навсегда – как что-то очень важное и настоящее.

Начальнику УЩ-249/12
майору внутренней службы
Шатило М. Т.

Рапорт

Довожу до Вашего сведения, что 7 ноября 1989 года ос. Лукша Анатолий Евграфович (Докука), 1956 г. р., отбывающий наказание по ст. 144-3 и помещенный в ПКТ за злостные нарушения режима содержания, вскрыл себе вены неустановленным режущим предметом. После чего напустил в миску кровь из вскрытой вены, накрошил туда хлеб и съел эту «тюрю».

Самоистязание было прервано только при вызове наряда ДПНК. Ос. Лукше была оказана медицинская помощь в 21.45 силами санитаров санчасти ос. Ольшанского.

Вследствие оказания неповиновения ос. Лукшой законным требованиям представителей администрации к нему были применены спецсредства. Считаю целесообразным доложить, что вышеуказанные действия ос. Лукши не продиктованы прагматической целью – попасть в больницу. По оперданным, ос. Лукша стойко придерживается воровских традиций, и его выходка с поеданием собственной плоти – лишь способ устрашить администрацию учреждения.

Ос. Лукша в беседах с оперативными сотрудниками неоднократно заявлял, что работать он категорически отказывается и на «красной зоне» долго не засидится».

Среди осужденных, не вставших на путь исправления, ос. Лукша является неформальным лидером, всячески мешает работе воспитательного и режимного отделов колонии.

Исходя из вышеизложенного, полагал бы поставить вопрос перед судом г. Ивделя об изменении режима содержания ос. Лукше с этапированием последнего в учреждение тюремного типа г. Соликамска.
Ст. оперуполномоченный УЧ-24 9/12
ст. лейтенант вн. службы
Луценко В. В.

Газета «Советская Латвия»
от 21 августа 1980 года

«Как были спасены советские моряки»

...В минувшую пятницу на энской погранзаставе произошел случай, о котором сообщила наша газета. Отважные пограничники спасли в открытом море восемь советских моряков. Наш корреспондент встретился с отважными пограничниками. Они рассказали о том, как все произошло.

– Мы несли вахту в море, – начал свой рассказ капитан-лейтенант Борис Петрович Михеев. – ...Прозвучал сигнал тревоги, и мы, изменив курс, направились к месту, указанному в радиограмме... на волнах вверх дном плавала баржа... аварийная команда во главе с инженером капитан-лейтенантом Синицей немедленно начала спасательные работы.

* * *

Под воду пошел матрос Георгий Бычков – отличник боевой и политической подготовки, заканчивающий в этом году службу в погранвойсках. Одетый в легкий водолазный костюм, он уже был наготове и быстро спустился под воду. По веревке, привязанной к кубрику инженером Синицей, Бычков быстро добрался до цели. Так как женщина по-прежнему не хотела выходить из кубрика, он снял с себя кислородную маску и предложил ей. Лишь после этого она согласилась следовать за ним и вскоре всплыла на поверхность. Это была 24-летняя Валентина Портуки-де, мать трехлетней девочки.

* * *

На рассвете вблизи потерпевших аварию проходил транспорт «Кап-Валенте», принадлежащий ФРГ...

– Как могли они не заметить баржи? – удивляется матрос Георгий Бычков...

– Очевидно, моряки этого транспорта не считали себя обязанными помочь людям, попавшим в беду. Бессовестно это!

Мы полностью согласны с Георгием.

...Варшава не оглядываясь уходил со «шкапинскими» в подворотню, а Артур заворуженно смотрел ему вслед, крепко стискивая в кулаке подарок и не замечая того, что порезался. Артуру очень хотелось, чтобы Варшава оглянулся, но уже тогда, в десять лет, он если не понимал, то чувствовал: уходя, нельзя оборачиваться...

Токарев

Октябрь 1976 г.

Ленинград, В. О., 15-я линия

...После того как родители развелись, Артем Токарев ни разу не пожалел, что остался с отцом в коммуналке, а не с мамой в отдельной двухкомнатной квартире. Нет, маму он, конечно, любил, но с отцом было интереснее. Интереснее и уютней... И потом – мать все время говорила с ним, как с ребенком, а с отцом Артем чувствовал себя почти взрослым. После развода Василий Токарев обнял сына за плечи, посмотрел в глаза и серьезно сказал:

– Ну что, Темка, – вдвоем не соскучимся? Мы – мужики, нам легче, а мама – она еще молодая, ей жизнь устраивать надо... Чего под ногами путаться...

Одиннадцатилетний Артем понял все по-взрослому и быстро привык видаться с матерью раз в неделю-две. Навещая мать, он почему-то всегда чувствовал себя в ее квартире, как в музее, – хотя мебель там стояла современная «гэдээровская», а кухня – чешская. В их с отцом комнате дышалось намного легче, и этой легкости дыхания никак не мешал крепкий сталинский стол, дореволюционный диван и вовсе старинное истертое кресло, в которое не запрещалось прыгать даже с монстро-образного шкафа. Впрочем, детские игры в индейцев и буденновцев Артему надоели быстро – гораздо интереснее была работа отца, старшего оперуполномоченного уголовного розыска. По работе своей Василий Токарев сыну ничего специально не объяснял, но присматриваться не препятствовал и никогда не говорил фраз типа: «Ты еще маленький, тебе еще рано об этом знать», – на крайний случай обходился шутками, никак не давившими детское самолюбие...

Артему было хорошо. Он с интересом рассматривал истрепанный альбом со старыми фотографиями, который принес с работы отец. Токарев-старший присутствовал тут же – вместе со своим другом, напарником и совладельцем общей уборной в коммуналке Андреем Богуславским, который только в отделе кадров числился старше Василия – по должности и званию. Мужчины выпивали – повод был законный, Богуславскому сняли предыдущее взыскание и тут же – с интервалом в сутки – объявили новое. Артем еще не научился до конца понимать, почему отец и Андрей Дмитриевич на выговоры всегда реагировали добрее и веселее, чем на благодарности и награды. Может быть, потому, что взысканий было больше?

Начальнику Управления кадров
ГУВД Леноблгорисполкомов
полковнику милиции
Матюшину А. Т.

Рапорт

Довожу до Вашего сведения, что 1.10.1976 года через заместителя начальника 7 отдела УУР Богуславского мною был вызван ст. оперуполномоченный 7 отдела УУР капитан милиции Лавров Е. В. для проведения съемок его на доску почета ГУВД согласно Вашему распоряжению от 26.09.1976 года.

В разговоре со мной зам. начальника 7 отдела УУР Богуславский заявил, что «постарается найти Лаврова и убедить его в необходимости участия в столь важном для работы карманного отдела мероприятии» (привожу дословно). Тон Богуславского был явно

издевательский. Также тов. Богуславский заявил о невозможности прихода Лаврова в парадной форме в связи с полным отсутствием таковой.

2.10.1976 года оперуполномоченный Лавров не явился в указанное время, чем не исполнил Ваше указание.

5.10.1976 года около 20.00 сотрудник Лавров случайно увидел меня в ресторане «Корюшка», где я с коллегами по работе отмечал юбилей уголовного розыска. Я, поздравив его, сделал замечание о халатном отношении к обязанностям офицера милиции. Сотрудник Лавров театрально подошел к нашему столику, самолично налил себе рюмку водки, выпил ее со словами: «За здоровье Вашего превосходительства! Ротмистр Лавров!» После чего взял со стола бутылку коньяка и удалился. На наше возмущение он по-хамски ответил: «Кыш!» При этом сотрудник Лавров еле стоял на ногах.

Прошу Вас принять меры к оперуполномоченному 7 отдела УУР Лаврову за оскорбительное поведение по отношению к старшему по званию и должности, а также к заместителю начальника 7 отдела УУР Богуславскому за попустительскую политику в отношении подчиненного ему личного состава.

Зам. начальника 2 отдела УК ГУВД ЛО

майор милиции

Чуриков Д. С.

6.10.1976 года

И Токарев-старший, и Богуславский, испытывая наркотическую зависимость от работы, патологически не желали правильно выстраивать карьеру и отношения с начальством. Оба, не разговаривая много на эту тему, полагали, что есть в жизни вещи намного более значимые. Постепенно Артем учился – нет, не понимать, а скорее чувствовать, – что они имели в виду.

...Однажды Богуславский притащил откуда-то протоколы допросов одиннадцати сотрудников Ленинградского НКВД, арестованных и расстрелянных в 1936-м за отказ выполнять секретное предписание о возможности применения мер физического воздействия к подследственным. Почти целую ночь Богуславский и Токарев читали вслух эти протоколы и пили «во помин», не чокаясь. Артему эта ночь дала больше, чем год уроков истории в школе...

Артем вынул из альбома одну фотографию с надломом и щелкнул ею, как игровой картой, по необъятному ореховому столу:

– Отец... А почему у них лица такие... землистые и непримиримые?

Токарев-старший встрепенулся, оторвался от рюмки, в которой что-то разглядывал, и улыбнулся сыну:

– Нет, просто снимки три на четыре, шесть на восемь – это ж на туаменты. Знал бы ты, как эти строгие человеки любили жизнь, как чудили...

– Чудили ли? – ухмыльнулся Богуславский. – Эти-то вот?

– Але, дети на проводе, – попытался отодвинуть тему Токарев.

– Где дети?! – поперхнулся последними недопитыми десятью граммами Богуславский. – Нет, а где дети-то?! Вот это? Это уже не дети, это уже нормальные сволочи... Вась, ты б лучше рассказал наследнику, как надьсь с лавсаном материю у жулья подмели...

– Уймись ты, – добродушно налег на плечо друга Василий Павлович.

– Батя, колись! – Артем возликовал и, поддев край отцовского пиджака, игриво перещупывая пальцами материал, приготовился слушать очередную историю, совсем не похожую на «следствие ведут знатоки».

Отец отмахнулся, но Артем наседал:

– Дядя Андрей! – попросил. – Подмогни!

– Отставить! – прихлопнул ладонью по столу Токарев-старший. – Сгоняй-ка лучше...

Да найди слезу, не как в прошлый раз – аж волосы потом болели. «Бэхи» – черти, только параграфы штампуют по кельям, а то, что народ левой водкой травят, – им до фонаря!

Артем вздохнул – но с ироничным достоинством – и «подорвался» в магазин. Съезжая по перилам (самое главное было – до первого этажа не коснуться ни разу ногой ступенек), он декламировал, словно пионерскую речовку выкрикивал:

– Впереди идет ОУР – вечно пьян и вечно-хмур.

Следом движется ГАИ – всюду пьют не на свои.

Позади – БХСС, мягко спит и сыто ест.

А в конце – участковый уполномоченный – всеми...

Артем прервался, налетев на трещину в перилах. Проверил – не порвались ли штаны, потер задницу и со злостью рявкнул-договорил:

– ...Задроченный.

В магазин Артем бежал со всех ног, переживая, что без него взрослые начнут говорить про «самое интересное»...

А взрослые, пользуясь его отсутствием, заговорили как раз о нем:

– Слышь, Палыч, а Тема у тебя – успевай только раненых оттаскивать, – убежденно качал головой Богуславский.

– Да вижу, – с чуть деланой досадой согласился Токарев. – Харей, конечно, не показываю, но... Дерзости природной – через край... Ну, да это годы поправят.

– Или вправят, – невесело усмехнулся Богуславский. – Тут либо одно – либо все остальное.

Помолчали. Потом Токарев-старший вздохнул и попытался перевести разговор на другой уровень.

– Знаешь, я иногда жалею, что, когда Темка работать начнет, такие, как Женя-физик, Кое-Как и Варшава – останутся, конечно, на линиях, но... Но в то же время их как бы уже и не будет.

– Не понял, но тему поддержать попробую, – Богуславский насупил брови, поразмыслил несколько секунд, «догнал» и обиделся за своих «крестников»:

– Ишь, любимчики у него! А Шкварка, а Бултых?! А... а Губоню – запомнил?! Да Губоню в Сочи два поста наружки с четырьмя операми водили... Результат: пара срезанных кошельков! В оконцовке – хрен да лука мешок! Губоня за один перегон по два раза в сумки нырля!

Токарев странно покосился на друга и взял его за плечо:

– Да брось ты, Андрюха... Успокойся... Ты, ты его взял...

– Да я не о том, – отмахнулся Богуславский и замолчал, давя в себе вроде бы давно уже перегоревшую обиду.

Сгустившуюся над столом горечь легко разогнал своим появлением Артем, принесший пару бутылок «Столичной». С сомнением посмотрев на старших, он с видимой неохотой выставил добычу на стол:

– Ежели этого не хватит – тогда не то что волосы потом – и ногти заболят.

– И без сопливых склизко, – Токарев-старший не упустил возможность добродушно щелкнуть сына по носу. – Сбегал – и уже герой? Не по шерстке провели – так уже и взрослых строить? Ты характер-то попридержи, перед людьми неловко – что подумают-то...

– Ничего-ничего, – великодушно прощая Артему лишь намек на раздражение, махнул рукой Богуславский (словно поп из старого кино – грехи отпустил). – Я тоже начинал с «раз-

решите бегом?» – и тоже не всегда с радостью. Потом оценил. Для самого Черняховского бегал... Это тебе, брат, не кот чихнул.

– А кто это? – спросил Артем, залезая с ногами в старинное кресло. Щеку он подпер ладонью – чтобы слушать было удобнее.

– Черняховский? У-у, брат... Он – такая глыбища. Еще в НКВД начинал работать. Гениальный мужик. Ге-ни-аль-ный. Расскажу потом как-нибудь. Про него по трезвости рассказывать надо. Вот у кого тебе поучиться бы, отец Артээмий.

...Выдержка из автобиографии Черняховского Георгия Ивановича, написанной в 1983 году по просьбе сотрудников Музея милиции:

«...родился я в голодном 1923 году в Калуге, день и месяц потом уточняли, потому что вышла путаница.

...в 1945 году благополучно (легкое ранение) вернулся с фронта...

...До войны мечтал поступить на юридический факультет ЛГУ им. А. А. Жданова. Мечту в окопах не потерял. Успешно сдал экзамены в 1946 году. Как и многие – учился, работал.

...На третьем курсе по вульгарному доносу подонка Манова И. Ю. (ныне юрист крупного предприятия „Спектр“ – не могу не уточнить) был арестован по ст. 58–10 (за язык), осужден на 6 лет и отправлен в колонию.

Восемь месяцев и двадцать четыре дня провел за решеткой. Из них почти семь шел этапом в Нагаево и обратно – удивительно, но разобрались, извинились, реабилитировали, восстановили.

...на бесконечных пересылках и в трюмах, чуть ли не участвовал в сучьей войне... иногда думалось – легче вновь от Луги до Кенигсберга, чем...

...В 1952 окончил университет, попросился в НКВД. Снова, к моему изумлению, приняли на должность оперуполномоченного Куйбышевского райотдела. Еще силен был закал фронтовика, думал: многое могу исправить...

...В 1954 перевелся в уголовный розыск...

Артем хмыкнул:

– А я и так – если научусь половине вашего – генералом буду. Как Черняховский. Он же генерал?

– Кто? – удивился вместо того, чтобы закусить, Богуславский.

– Видишь ли, сын, – Токарев-старший также проигнорировал закуску и сильно втянул в себя воздух ноздрями. – Работенка наша и вышитые звезды – вещи почему-то не очень совместимые.

– Генералом?! – дошло наконец и до Андрея Дмитриевича, моментально осерчавшего. – Ты, эта, помочь, винты на территорию, там раздуга-дуга.

Выпили еще, успокаиваясь.

Токарев-старший закинул руки за голову, блаженно прищурился в потолок, будто вспоминал что-то очень приятное:

– Нет, даже жаль, что Варшава в лагерях. Куражу стало не хватать... И угорел ведь человечьи... Помнишь, как он мне тогда в Гостином коленом промеж ног?... Убил бы тогда... У тебя из куртки выпорхнул и у нас же упер ее через пару дней из отдела... Вот аедь... Черт – жулье вагонное!

– Пап, да ты ведь им восхищаешься?! – подал голос из кресла затихший было Артем. Богуславский нашелся раньше Токарева и по-профессорски отрезал:

– Своего героя надо любить, голубчик.

Артем хмыкнул со всезнанием молодости:

– Кто герой? Варшава-то?

Андрей Дмитриевич покрутил головой:

– Да не он герой... А жулик для сыщика должен быть героем, чукча! Не будешь его любить – как повадки узнаешь, как брать будешь, как доказывать – без нахаловки? Э-эх, что говорить...

– Да ладно, – инстинктивно встал на защиту сына Василий Павлович. – Ему четырнадцать – тебе нет, дотумкает.

– Дотумкает? Тогда переводи ему: ворвался законный вор в барак и семь сук топором зарубил! Давай!

– Вас, блатных, не поймешь! – Артем соскочил с кресла, радуясь, что понемногу начинает говорить на этом странном и таком красивом языке избранных, что уже чувствуется уместность и органичность фраз, их внутренний смысл. Артем вышел в коридор, неплотно прикрыл за собой дверь. Из комнаты доносились обрывки былинных разговоров: «...корки... барабан... яма... по низу...». Подслушав, было трудно понять, о чем спорят эти два красивых человека.

На кухне его встретила старушка-соседка – Дарья Ивановна Панаева, про которую говорили, что она «еще из бывших». Как-то раз Артем заглянул к ней в гости в комнату, и пока Дарь-Ванна уходила на кухню ставить чайник – успел прочитать страничку в старой тетрадке, лежавшей открытой на столе. Артем почти ничего не понял, но с тех пор почему-то слегка побаивался старушку. Токарев-старший и Богуславский считали ее «сурьезным человеком».

Из записной книжки Панаевой.

У русских точно по несколько жизней, раз они так легко ее отдают за царство нескольких сотен мерзавцев. Может, не у русских, но у советских? Все же у русских – куда денешь девятьсот пятый, оба семнадцатых.

14 декабря, 1941 год – я на год старше. Вокруг головы злющий нимб.

131 год назад на Сенатской ожиревшим от безделья не удалось разворовать империю.

Вошла в мир, когда уже миллионы нравственно самых здоровых мужиков резали друг дружку во имя процветания кафешантанов в трех-четырёх столицах.

В двадцать лет только обрадовалась – полоумный Николаев попал-таки в плебейский затылок «нашего Мироныча»!

А-а-а – не долго... У них не поухмыляешься!

Кажется, навечно в Кокчетавской области, пгт Кзылту. Доросла до учительницы младших классов.

– **Молоденькие казахи, почему надо обожать старого грузина?**

Дико.

«КОКЧЕТАВПГТКЗЫЛТУ» – оно! Козлячье комиссарское аргю.

– Господа офицеры гуляют? – светски поинтересовалась Дарья Ивановна. Артем молча кивнул, стесняясь, но совсем чуть-чуть.

– Ну что же, – старушка поправила очки. – Тогда будем пить чай. Полагаю, что это надолго.

Дарья Ивановна была человеком опытным, на жизнь смотрела трезво-философски и ошибалась редко. Не ошиблась она и в этот раз: «господа офицеры» еще раз сбежали,

А в комнате их поджидал сюрприз. Бывший зэк, а ныне вагонОВОЖАТЫЙ сидел на корточках на широком подоконнике, утонув в милицейском френче и заложив руки на затылок.

– Сильно, – сказал без особого, впрочем, удивления Токарев-старший. – Ты, Пал Палыч, хорошо бы смотрелся голым – но в пулеметных лентах. Окабанел, что ли?

– Слышь, вертухай, орать будешь – завалю! – по-совиному буркнул Рафинад.

– Ну все, приплыли, – вздохнул Токарев, удерживая одной рукой обмякшего Богуславского. – Занавес, граждане – товарищи и господа!

Вскоре коммуналка затихла.

Артем долго не мог уснуть, ворочался, потом встал, подошел осторожно к столу и вынул из висевшего на стуле отцовского пиджака красное удостоверение – в свете уличного фонаря оно казалось темно-бордовым. Он считал годы, когда ему дадут такое же, с каллиграфически выведенной тушью должностью «оперуполномоченный уголовного розыска». Годы не торопились, и пока что Артем, стесняясь, тайком перечитывал отцовское удостоверение. Ему так хотелось быть таким же, как отец, что он даже досадовал на свою внешность, в которой было больше от матери: карие глаза и темные волосы и нос с легкой горбинкой – против веселой отцовской зеленоглазой курносости – разве же это внешность для будущего опера? Впрочем, эта разница в чертах лица съедалась забавной идентичностью походок и вообще манеры двигаться, так что окружающие часто лили Артему бальзам на сердце: «Копия отца, ну просто копия...» Токарев-старший тоже балдел от таких утверждений.

Артем любил рассказывать одноклассникам услышанные от отца и Богуславского истории об удалых налетчиках – про Юнкера, про Два Нагана, любил показывать им в трамваях и троллейбусах щипачей... Когда его недослушивали, он страшно обижался, хотя и не показывал виду. Впрочем, однажды парень из старшего класса, услышав обрывок очередной байки, попытался съязвить по поводу отца. Красный, как пожарная машина, Артем сбил левой боковой сваем обидчика с ног, и тот несколько дней не показывался в школе. (Токарев-старший привел сына, когда ему исполнилось двенадцать, к Юрию Евгеньевичу – хорошему тренеру по боксу, и удар у Артема был поставлен правильно...)

Артем положил удостоверение обратно в пиджак, поправил одеяло на разметавшемся во сне на узкой кровати отце и вернулся на свой диван. Улыбаясь от воспоминаний минувшего вечера, он не заметил, как заснул...

Тульский

Март 1978 г.

Ленинград, Васильевский остров

...Варшава стоял, прижавшись спиной к стене дома на углу 12-й линии и Среднего проспекта и дожигал последней затяжкой окурочок. Пять лет последней отсидки мало что изменили в его внешности и повадках – стороннему наблюдателю могло показаться, что нестарый сухощавый мужчина просто празднично щурится на слабое еще мартовское солнышко, а вор между тем лихорадочно просчитывал варианты помощи бывшему сокамернику. Сокамерника прозывали Кое-Как, и его только что с поличным взяли опера «на кошельке». Возможность помощи стремилась к нулю. Откуда-то слева под локоть Варшаве вывернулся Артур и, ожидая от вора хотя бы легкой тревоги, выдохнул:

– Тепло!

– Из носа потекло, – прокомментировал внешне спокойно ситуацию Варшава. Ловить было нечего. Артур повел взглядом: зажаты операми Кое-Как «уводил себя из весны», отчаянно сохраняя достоинство. Вариант был один – рвануться и попробовать на характере передышать сотрудников в проходняках. Но тут из рыбного магазина выскочил третий опер,

довольно улыбаясь, а четвертый уверенно вел под локоть женщин у, которая растерянно и громко объясняла неизвестно кому, что она пережила и переживала за последние десять минут. Оперативник, в котором Варшава с тоской узнал Витю Андреева, потерпевшую, разумеется, не слушал, но поддакивал и настойчиво вел под руку в нужном направлении.

Взгляд Кое-Как пометался и начал гаснуть, видно было, что заняли его мысли приземленные, как коврик у двери: сколько денег в кармане, дадут ли позвонить до КПЗ, как скоро корешки передадут сидор в изолятор. Дорога привычная, но все равно – тоскливая, и солнышко – не в настроение.

Несколько секунд поджавшийся Артур напряженно смотрел на происходящее, наконец спросил, как выдохнул:

– Отобьем?

– Себе ребра, – по-товарищески сокрушенно вздохнул Варшава. Безнадежная решимость Артура его обрадовала, но она была тем малым хорошим, что всегда есть в большом плохом.

Артур несогласно мотнул головой:

– Не бывает так... ну, чтобы ничего.

Варшава хмыкнул и посоветовал без злости, а лишь с ироничной умудренностью взрослому:

– Вот про это и распишешь к майским в школьном сочинении – как бороться и искать, как найти и не сдаваться...

Артур промолчал, внутри него нарастала куражливая дрожь – так копится энергия для поступка. Варшава чувствовал изменяющуюся энергетику, но молчал.

Из ниоткуда вдруг возник и стал протискиваться специально между ними балагур и драчун Гоша:

– И что вы между мною вертитесь? – специально по-одесски весело поприветствовал он знакомых.

– Гога, пару слов! – жесткой интонацией Артур мгновенно погасил игривый настрой приятеля. Георгий посерьезнел:

– Где что не так, где маленьких обидели?

Тульский мотнул головой:

– Огрызнуться и пару зубов выплюнуть – есть настроение?

– Александровские, что ли, опять напутали? – «догадался» Гоша. Артур быстро развернул его за плечи в нужном направлении и зашептал торопливо:

– Сфокусируй – Кое-Как с ментами... Въехал? Без рукопашной. Обгоняем. Ты – немой. Делаеть, как я. Тереть некогда.

Гога кивнул, не думая:

– Ну, Тульский, будем тонуть – без тебя не захлебнусь. Поперло!!!

– Если тонуть, Гаврюша, то лучшая позиция – рыба. За группу – больше дают.

– Не учи моченого!

– Не тьявкой.

Варшава задумчиво посмотрел им вслед, вздохнул и побрел на 5-ю линию к знакомому банщику, в прошлом имевшему прозвище Есаул – из-за кавалерийской осанки и постоянно снисходительного тона.

Жизненный опыт показывал Варшаве, что в лучшем случае он увидит ребят к вечеру – в синь избитых.

– Ничего, – сказал вслух вор, давя в себе переживания, – мусора в грунт втопчут, но ведь не покалечат...

Между тем Артур и Гоша, промчавшись по лабиринту проходных дворов (на Васильевском надо родиться, чтобы не блуждать в проходняках), осторожно выглянули из подворотни метрах в пятидесяти перед оперативниками.

Артур чуть шатнулся назад за смятую постоянными пинками молодежи водосточную трубу и выровнял дыхание.

– Все, Гога, не дыши.

Чинно и благородно они вдвоем не спеша вырулили на улицу.

...Кое-Как, уже приняв свершившееся за факт, не особо сопротивлялся, но куражился вовсю, смущая и сбивая с панталыку интеллигентски рефлексирующую потерпевшую:

– Дамочка, вы обратите внимание – получается-то как: кошелек якобы я взял, а топорщится он почему-то в левом кармане гражданина начальника!

Витя Андреев действительно подобрал скинутый кошелек за сиденьем в трамвае и сунул себе в брючный карман, и тот купеческой мощной обвис чуть выше колена. Если бы Кое-Как резанул сумку у рыночной торговки – она бы нашлась, как ответить, но сейчас Андреев придерживал за локоток особу воспитанную и думающую, работать с такими потерпевшими было и проще, и сложнее – нравственность, она штука тонкая.

– Игорек, у-го-мо-нись, – по слогам выговаривал Витя Андреев, но Кое-Как угомониться не желал:

– Не надо! Я, может, желаю гимн Родины... Граж... – Тычок под ребра заставил его поперхнуться.

Оперативник Жаринов без злости, с одним лишь только мудрым провидением негромко предупредил:

– В камере с махрой – остро, не скули потом.

Кое-Как не внял и снова заблажил:

– Гражданочка, нет, вы заметьте: как придем, вы – писать, чего не видели, а деньги ваши выкрошат из меня. Вы, я вижу, университет... Ах ты ж!.. – Кое-Как согнуло от боли в вывернутом указательном пальце. Жаринов укоризненно покачал головой.

Потерпевшая между тем смущенно думала о том, что кошелек действительно украл вот этот вот мазурик, хотя она и впрямь ничего не видела. Запомнила лишь давку и потом – рубашку сотрудника, выскочившую из брюк, когда тот ползал между сиденьями и искал кошелек. Потерпевшей было неловко, все эти люди вокруг – и опера, и карманник – были явно беднее и неустроеннее ее. Она бы с удовольствием отодвинулась ото всей этой ситуации в сторону, но – как оскорбить защитников? Из-за нее ведь старались...

Артур и Гоша, скроив лица начинающих пионервожатых, вплотную приблизились к живописной группе.

– Ага, доблатовался! – обрадованно воскликнул Артур и, поняв, что употребил не очень комсомольское выражение, тут же повернулся к Гоше: – Михаил, я же тебе говорил – ворюга – а ты: просто тряхнуло, кошелек сам вывалился...

Гоша неопределенно кивнул.

– Ну вот, Игорек, – мгновенно среагировал Андреев, торжествуя от удачи. – Случайно и свидетели наклеиваются!

Вор, узнав ребят, весь подобрался, готовясь к свалке.

– Ребята, вы понятыми поприствуете? Тут рядом, – спросил Жаринов.

– Обязательно, – кивнул Артур и вцепился в локоть Кое-Как. – И довести поможем. А то – как людей грабить, так артист, а как «здравствуй, милая моя», – так и растерялся.

Карманник скосил глаза, ожидая сигнала, но Артур несколько раз успокаивающе незаметно сумбурной азбукой Морзе прожал ему локоть.

Ничего не понимая, Кое-Как молча поплелся дальше. Гоша, чувствующий себя полным дебилом, жизнерадостно улыбался всем подряд.

До дежурной части добрались без приключений. Переступая знакомый порог, Кое-Как поднял голову и процедил в пространство:

– Терпила хуже мента...

Потерпевшая, на которую вроде бы уже перестали обращать внимание, вздрогнула и нервно сжалась. Услышанную фразу она поняла не до конца, но ей стало неприятно и тревожно – пахнуло вдруг чуждой и недоброй верой, совсем незнакомым ей злым миром.

– О! Привели касатика! – привычным приветствием, без особого злорадства встретил всю компанию дежурный.

Жаринов вместо ответа попросил его вызвать следователя. В коридоре отдела уголовного розыска группа развалилась – Андреев, отечески обнимая потерпевшую, повлек ее в отдельный кабинет для написания заявления. Жаринов завел понятых Артура и Гошу и напряженного от непонимания ситуации Кое-Как в свои хоромы. Когда все расположились, Жаринов, насвистывая веселый мотивчик, шлепнул кошелек, который забрал у Андреева, на стол и начал, практически не думая, составлять акт изъятия. Гоша назвался Михаилом Ивановым, Артур – Валерием Карповым.

– Ну что? – Жаринов поднял голову от листа и переспросил на всякий случай: – «Гражданин Перевозников пояснил, что кошелек сотрудники милиции подбросили ему при задержании, от подписи отказался»?

Кое-Как важно кивнул. Когда «понятые» расписались в акте, Жаринов разулыбался, потер руки и поинтересовался у карманника:

– Все правильно? Чего притих-то?

– Контора... Руль дадут, а два запишут, – пожал плечами Кое-Как.

– Полностью разделяю, – ханжески закивал головой Жаринов, поднялся из-за стола и приглашающе повел рукой. – Маэстро, пожалуйста в пердельник-с!

Выводя Кое-Как в коридор, опер обернулся к «понятым»:

– Ребята, подождете немного? Я – быстро.

– О чем речь! – великодушно согласился Артур. Гоша изо всех сил сдерживался, чтобы не заржать.

Ведя задержанного по коридору, Женя Жаринов по-доброму подколот его:

– Ну что? Запахло кедровой делянкой?

– Да уж зашлете, – процедил жулик. – ...Где летом холодно в пальто.

– Обиделся! – хмыкнул Женя. – Так не я лес сажал.

– А я пилять его не собираюсь! – гордо вскинул подбородок Кое-Как – словно князь, ведомый на расстрел большевиками.

Через короткую паузу из жариновского кабинета осторожно вышли «понятые». Артур уносил на груди кошелек, Гоша – акт изъятия...

Отведя Кое-Как в «аквариум», Жаринов в самом добром расположении духа вернулся. Кабинет был пуст.

– Ага, – сказал Женя и, перестав насвистывать, заглянул в кабинет к Андрееву. Тот что-то горячо говорил потерпевшей. Компанию дополнял их третий напарник – Арцыбашев, вольготно разлегшийся на убитом диване (предварительно он, правда, испросил у дамы разрешение. Некоторое время Арцыбашев даже стеснялся закидывать ноги в ботинках на спинку, но быстро освоился).

– А... куда понятых дели?

Арцыбашев открыл правый глаз:

– Так дежурный следак вроде приехал...

Женя кивнул и тихонько прикрыл дверь. Постояв в коридоре и потеряв виски ладонями, он начал дергать дверные ручки всех кабинетов подряд. На последней двери Жаринов психанул и в свою комнату влетел уже злой, как черт. С досады Женя подсек рукой бумаги

на столе – привыкшие, они устало слетели на пол. Жаринов сел на стол и закурил. Тут же встал, начал собирать листы. В кабинет постучали. С последней дикой надеждой Женя метнулся к двери: на пороге стоял опер из квартирного отдела. Надежда выпала из рук вместе с бумагами, разлетевшимися теперь уже по коридору. Квартирный опер, с ходу прочувствовав настроение, стал помогать – больше комкая, чем собирая листы:

– Что? Опять не слава богу?

Женя сглотнул с усилием ком в горле:

– Через мою проходную только что вынесли семиметровую трубу...

Опер, не удивляясь (в УРе вообще редко удивляются), посоветовал:

– Тогда – гони за вазелином.

Пару бумаг им помог поднять с пола какой-то незнакомый дядька, видимо кем-то вызванный в ОУР. Жаринов, забирая у него листы, строго сощурился:

– Так... Сов. секретно... Ознакомился?!

– Так ведь... Я же – случайно... – сконфузился посетитель.

– Слу-уча-айно... Случайно срок с пола поднимают! Это же... Это же – «перед прочтением – съесть». Эх ты, бедолага... Загубил жисть.

Посетитель дико глянул на оперов и метнулся куда-то по коридору. Жаринову немного полегчало. Выждав еще на всякий случай минут пятнадцать, Женя зашел в кабинет напарников. Андреев и Арцыбашев пили пиво. Потерпевшей тоже предлагали, но она деликатно отказывалась, с натянутой улыбкой слушая бред о безопасности личного имущества, излагаемый Арцыбашевым. Женщина пыталась выбрать момент, чтобы сказать: «Извините, я могу идти?» – но все никак не могла решиться. «Выручил» ее Жаринов:

– Вера Андреевна! Вы будете смеяться, но понятия сбежали – с вашим же кошельком. Андреев поперхнулся пивом, Арцыбашев загоготал, но тут же заткнулся.

– Как же так случилось? – спросила потерпевшая, скорее желая как-то заполнить нехорошую паузу, чем услышать ответ.

– Ну, так... Магнитная буря – каромультук называется. Можете жаловаться.

Вера Андреевна встала и неуверенно пошла к двери. Ее никто не останавливал.

– Я не собираюсь... Я все видела... Зачем вы так? Я – пойду?

– До свидания. В голову не берите, Вера Андреевна, бывает...

Андреев поскреб в затылке и крикнул:

– Так, всем постам – отбой... Жень, веди сюда Кое-Как – поворкуем...

...До карманника случившееся дошло не сразу, но когда все-таки дошло, то он гордо парировал обращенный к нему длинный текст Жаринова одной-единственной, но емкой фразой:

– Делов не знаю.

После чего замкнулся с видом оскорбленной добродетели. Крыть было нечем, и Жаринов пошел провожать Кое-Как на улицу – на волю.

Вдохнув свежий воздух свободы, жулик посмотрел на хмурое лицо опера и с суровым пониманием, что «наши козыри», произнес:

– Евгений! Я – мазурик отошедший... Может, хватит мучить друг друга? Вот, как солдат... – тут Кое-Как хрюкнул, – ...солдата прошу! Мы ж с тобой – с одного года в системе Эм-Ве-Де...

И так это он душевно сказал, что Жаринов не выдержал и рассмеялся, подобрев лицом:

– Ладно... Чапай, от греха.

Кое-Как светски поклонил голову:

– Водка кончится – заходите в «Бочонок». Мы наверняка там праздновать будем.

Опер хмыкнул:

– Еще скажи, что нальешь!

Карманник пожал плечами:

– Во церемонии! У меня монета кончится – ты угостишь.

– Ага... девок снимем – в кабинет ко мне поведем?

– А что у тебя – вагон для некурящих?

– Нет... Я представил картину маслом: мы, вы, тетки, вино-колбаса и... внезапная проверка из главка.

Кое-Как покрутил носом и прищурился:

– И что? Во-первых, временно ты будешь очень известен. Во-вторых, и обо мне слух до чистопольской крытки дойдет. В-третьих, через пару лет где-нибудь в пермских лесах: я на поселке, а ты – прапорюгой при женской бане. Смяшно будет...

– Обхохочешься, – кивнул Жаринов. – Убедил. Обормотам этим передай... А, ладно, ничего не говори. Свидимся. Бывай.

В отдел Женя вернулся почему-то с неплохим настроением. К нему тут же заглянул уже знавший ситуацию замнач ОУРа.

– Ну? Докладывай!

– Ну, не прокатило, – Жаринов вздохнул и развел руками.

– При чем здесь – «не прокатило»? – начальство с трудом давило в себе смех.

Женя рванул рубаху на груди:

– Ну не было презервативов, когда мои родители познакомились!

– Понесло, – начальник махнул рукой и забыл об инциденте. Оперов своих он понимал и любил.

Из письма Веры Андреевны Яковлевой подруге:

...без историй я не могу прожить и недели: недавно в трамвае у меня вытащили кошелек. Жулика схватили почти сразу! Долго рассказывать – интересные и грустные впечатления, НО двое молодцов из их шайки вызвались понатыми и из кабинета в милиции унесли и мой кошелек, и какие-то протоколы! Карманника, думаю, отпустили. Я уже дома почувствовала: а ведь лихой сюжет!

Ирина, ты накинешься, что я поэтизирую, ничего не вижу вокруг, но они мне все безумно понравились.

И еще. Если большинство ворует по чуть-чуть, прикидываясь «честными», то лишь единицы сделались настоящими ворами. Но в том-то вся и «штука», что – «настоящий» в данном случае синоним «честный»! Ира, ведь он морально чище, чем работяга, чем партийный функционер, которые тоже тащат, но при этом делают вид, что «строят социализм»...

...А в «Бочонке» вечером действительно отмечали. Гоша и Артур смотрелись именинниками, Кое-Как по пятому разу рассказывал о своих переживаниях, пиво лилось рекой, водка – ручейками. Варшава сидел рядом с Артуром и, казалось, думал о чем-то своем, улыбаясь невпопад. Когда Гога на бис начал изображать всю историю в лицах, Варшава положил ладонь Тульскому на затылок и заглянул в глаза:

– А ты – вырос...

Вор хотел добавить еще какое-то слово, но в последний момент поперхнулся.

Токарев

Май 1978 г.

Васильевский остров

... Артем откровенно маялся за партой, не слушая учительницу, проводившую урок-консультацию перед экзаменом за восьмой класс по алгебре и геометрии. С алгеброй у Артема было в общем-то все в порядке, на крайний случай он надеялся на помощь сидевшей перед ним Ани – круглой отличницы. Так что экзамена Токарев не боялся, на доску не смотрел, а поглядывал из окна на бульвар – там деревья уже шелестели призывно молодой листвой. Артем решал про себя более сложную задачу, чем алгебраическую, – пригласить Аню после занятий в кино или так – погулять. Финансовое состояние голосовало за «просто погулять». Но «просто погулять» уже было, и к тому же в темноте кинозала как-то проще перейти к более активным действиям... Вдруг Артем насторожился, почувствовав смутное беспокойство. Сфокусировав взгляд, понял, что зацепило его внимание: у скамейки на бульваре напротив школы сконцентрировались трое явно блатных – постоянно крутятся у отца на работе, Токарев-младший уже научился по внешнему виду выделять эту категорию граждан почти безошибочно. Подперев для удобства щеку рукой, Артем стал с интересом смотреть за троицей – словно по телевизору фильм хороший начали показывать. Разговор ему, разумеется, не был слышен. Между тем разговор происходил достаточно любопытный...

На скамейке сидел квартирный вор по прозвищу Присяга, а к нему подошли налетчики ЖораТура и Тельняшка, широко известные в узких кругах. Присяга, кивнув подошедшим, неторопливо, с достоинством первым протянул руку. Жора, однако, свою не подал, лишь «по-фюрерски» вскинул вверх правую ладонь. Тельняшка же, чтобы избежать рукопожатия, начал рыться в карманах брюк, якобы ища спички, а потом обернулся к проходившей мимо пожилой женщине:

– Бабусь! В твоих кутулях спичек нет?

Женщина, не отвечая, ускорила шаг.

Присяга дернул бровями, медленно убрал так и не пожатую руку в карман, передвинулся на край скамейки. Расслабленность мгновенно ушла из его позы. Жора присел рядом с ним, уперев локти в колени и чуть косясь на руки соседа. Тельняшка опустил голову напротив них на корточки – по-арестантски. Какое-то время молчали. Потом Жора закурил и выдохнул вместе с дымом:

– Макая химический карандаш в Баренцево море, Аврора мне отписал за рыжье. Интересно: сам отдашь, али сбегать куда?

Присяга стал еще более напряженным, но головой покачал легко:

– Жора, ты человек уважаемый, но пока это – одни слова – козыри.

Тельняшка, медленно и тягуче сплюнув себе под ноги, с нехорошей улыбочкой поинтересовался:

– За кого себя держишь, если маляву каторжанина под сомнение берешь?

Присяга вопрос значительно более молодого по возрасту Тельняшки демонстративно проигнорировал и, скривив рот, бросил второму:

– Ну так передай повестку?..

ЖораТура кивнул и ехидно согласился:

– Это я мигом, всегда ж со мной.

Присяга поднял плечи:

– Через пару дней твое предложение качнем – при всех.

Жора несогласно цыкнул зубом и встал:

– В городе отсвечивать не хотелось бы.

– Что так? – усмехнулся Присяга. – Погода душная?

– Потею, – еле сдерживая себя, кивнул Жора Тура.

...Наблюдавший эту сцену из окна класса Артем пробуждающимся инстинктом охотничьего щенка почувствовал, как изменилась и загустела энергетика вокруг скамейки на бульваре. Волнами пошедший в кровь адреналин окончательно погасил все звуки в классе. Да и самого класса уже как бы не было – была только скамейка на бульваре и трое сжавшихся, как пружины, блатных...

...Тельняшка между тем выдвинул еще один аргумент:

– Вчерась на съемной хате хипеш с шухером нарисовались...

– Мои соболезнования, – ответил в пространство Присяга. – Но!.. без общего мнения ничего не верну. Пару дней.

Тельняшка опустил голову, снова сплюнул себе под ноги и сказал в землю:

– Крыса хуже опущенного...

Присяга чуть вздрогнул, но сжал зубы и встал со скамейки медленно и спокойно, не вынимая, правда, правой руки из кармана. По его ощерившемуся лицу было видно, что произнесенные слова он запомнит...

...Артем Токарев, не отрывая взгляда от скамейки на бульваре, как лунатик, начал выбираться из-за парты. Удивленно оглянулась что-то писавшая на доске учительница...

...Присяга процедил, почти не разжимая зубов:

– Каждый волен поступать, как посчитает нужным. А язык ты зря замарал. Не бережешь себя. Совсем.

На Тельняшку он по-прежнему не смотрел, тот, не поднимаясь с корточек, прошипел:

– А не опасешься...

– Попробуй, если получится!

В этот момент Жора Тура вдруг улыбнулся и примиряюще махнул рукой:

– Ладно, ладно... Будь по-твоему...

И протянул первый Присяге руку, словно решив все-таки хоть попрощаться по-человечески. Не ожидавший такого быстрого изменения в его настроении Присяга вынул из кармана руку. Жора крепко стиснул ее:

– Может, твоя правда...

Быстро сориентировавшийся Тельняшка, по-прежнему не вставая с корточек, начал пальцами смахивать пыль с ботинок Присяги:

– Ну, извини, все ж на нервах.

Присяга брезгливо опустил взгляд на его затылок, не понимая еще, что уже попался в ловушку. Через мгновение Тельняшка резко качнулся вперед и с глухим внутренним подвывом крепко обхватил руками колени вора, одновременно кусая его за бедро. Присяга зашипел и левой рукой ухватил его за волосы, отчаянно пытаясь выдернуть правую руку из Жориной клешни. Ему не хватило доли секунды – Жора выхватил что-то из-под пиджака и, пряча удар, прильнул всем телом к недавнему собеседнику. Присяга, дернувшись, успел обнять Жору за плечи, и они вместе осели на скамейку. Еще через секунду Жора и Тельняшка, не стовариваясь, молча побежали в разные стороны. На сучившего ногами вора они ни разу даже не оглянулись...

Токарев с грохотом распахнул окно и, пользуясь тем, что класс располагался на первом этаже, выпрыгнул на улицу. Инстинктивно Артем выбрал из двух более щуплого Тельняшку и побежал за ним, видя только спину убежавшего. Молодой налетчик погони не видел, но, ощутив опасность лопатками, шмыгнул в подворотню. Артем, перед тем как броситься туда же, остановился и выровнял дыхание. Быстро огляделся – рядом никого не было, но он словно услышал сказанные когда-то отцом слова: «Запомни, сын, осмотрительность и осторожность – эполеты храбрости...» Артем схватил с земли большой грязный кирпич и тут же отбросил его в сторону, вытирая руки...

Во двор Токарев зашел медленной походкой праздно гуляющего. Двор был пуст.

Озираясь, Артем заметил в окне первого этажа пожилую женщину, напряженно смотревшую на него. Знаком быстро показал ей, мол, звоните, звоните скорее. Женщина кокетливо кивнула и поспешила в глубь комнаты к телефону. Старушку звали Кристиной Сельмовной Лиймата, она была дочерью финна и армянки, доживая свой век, она постоянно от скуки звонила дежурному отделению милиции – там ее все знали, как местную достопримечательность и особо бдительную гражданку. Дозвонилась она на удивление быстро и, понизив голос, поинтересовалась в трубку:

– Товарищ Вуоксов?

На другом конце провода дежурный устало вздохнул и ответил:

– Нет, Кристина Сельмовна, это товарищ Воксов. А Вуокса – это река, которую мой папа отобрал в тридцать девятом у вашего папы!

– Сейчас вам не тридцатые! Поприжали гэпэушников-то! – заверещала в трубку гражданка Лиймата.

Дежурный вздохнул еще более обреченно:

– Кристина Сельмовна, нам сюда иногда и другие граждане звонят. Давайте побыстрее. Что опять у вас стряслось?

Старушка от возмущения аж притопнула ножкой в войлочном тапке:

– А вы меня не понукайте! Я блокадница, ветеран! У нас, слава Богу, Советская власть!

На том конце раздалось хрюканье, одновременно напоминавшее и смех и плач, но дежурный быстро взял себя в руки:

– Я сейчас «Интернационал» спою! Что слу-чи-лось?!

Кристина Сельмовна шмыгнула носом и через секундную паузу призналась:

– Я забыла... Ты, Вуоксов, меня специально запутал.

Дежурный с тихим воем положил трубку...

...Между тем Артем, не зная о развертывавшейся за окном драме, вышел на середину двора, расставил широко ноги и свистнул, задрал голову. Никто не отреагировал. Выждав немного, Токарев заорал, кося глазом по парадным:

– Эй, Наташка! Горю!

Дверь парадной напротив медленно, со скрипом, открылась, и оттуда вышел Тельняшка. Губы его были испачканы свежей кровью – потому как Присяге в бедро он вогнал свои клыки достаточно глубоко. Токарев как-то интуитивно понял, чья эта кровь, хотя сам процесс кусания почти не видел – и от этого понимания ему стало знобко, страх начал парализовывать волю, и мальчишке понадобились почти физические усилия, чтобы порвать паутину ужаса и придать лицу глуповато-добродушное выражение.

– Во! – обрадовался Артем, двигаясь ему навстречу: – Дал бы пня сестре, а то она...

– Обознался, гимназист! – хмыкнул налетчик. Расстояние между ними стремительно сокращалось. Тельняшка начал что-то понимать и, увидев спортивную фигуру Токарева, быстро сунул руку в карман. На расстоянии удара блатарь резко швырнул школьнику в лицо горсть грязи и песка. Артем опоздал зажмуриться и ударил левой вслепую... Ему повезло – он удачно попал в челюсть... Отскочив и протерев глаза, проморгавшись, Токарев увидел, что Тельняшка сидит на асфальте, переживая нокдаун.

Быстро оценив обстановку, Артем понял, что через несколько секунд противник придет в себя.

– Ах ты... Глаз высосу!

Тельняшка начал привставать, упираясь в асфальт ладонями, но левый апперкот и правый боковой лишили его сознания окончательно – налетчик упал, сильно ударившись затылком об асфальт, и замер...

...Кристина Сельмовна, пронаблюдав этот бой из окна, снова бросилась к телефону. На этот раз она решила звонить не дежурному, а по «02».

– Милиция, служба «02».

– Во дворе дома номер 68 по Пятнадцатой линии бандиты убивают и раздевают людей. Прямо сейчас! Обратите внимание, часы показывают 11.45! Не таежная ночь! А дежурный 16-го отделения милиции Воксов категорически отказывается регистрировать и пугает сталинскими репрессиями...

...Через несколько минут дежурному 16-го отделения Воксову позвонил дежурный РУВД:

– Воксов, что, не можете задницу приподнять? Слетайте в 68-й дом по Пятнадцатой. Заявка пришла через «02», на контроле! Все!

Воксов обреченно вздохнул, повесил трубку и, закусив губу, сказал помощнику:

– Отправь наряд во двор к Лиймоте!

Помощник пожал плечами и начал вызывать наряд по рации:

– Ладога-4, Ладога-4, ответь... У нас заявочка...

Телефон зазвонил снова. Воксов посмотрел на него затравленно и гаркнул:

– Герой Советского Союза! – снял трубку и договорил: – Старший лейтенант Воксов, дежурный 16-го отделения!

– Ну что, Воксов, – спросила Кристина Сельмовна, – начальство шею намылило?

– Понижен в звании и отстранен, – признался дежурный.

– Отлично! Процесс...

– Процесс движения за укрепление сотрудничества с заявителями?

– Не хамите! Вы скоро придете?

– Через 14 секунд! Впереди следует пожарная машина!

С удовлетворением услышав короткие гудки, Воксов, не кладя трубку на аппарат, обернулся к участковому, проводящему с каким-то ханыгой воспитательно-профилактическую беседу:

– Серега... У твоей жены первый муж в КГБ работает... Спросил бы у него – может, есть какое-нибудь антифинское подполье в Питере. Я бы примкнул. Взносы бы платил регулярно. Адресочек интересный мог бы им черкануть...

Участковый не понял, в чем дело, и, встряхивая гопника за воротник, буркнул:

– Какое, в жопу, КГБ?... Ты, урод! Долго еще безобразить в своей коммуналке будешь? Долго будешь двери ломать? Сгною в Сибири!

Ханыга заверещал:

– Сергей Сергеевич, я не хотел... Случайно ручка от двери отвалилась, знаете, как у нас все делают – наверное, в конце месяца план гнали... Я завтра же в Лупполово уеду шабашить, ну ее к дьяволу!

Услышав слово «Лупполово», Воксов озверел и, выскочив из-за стола, схватил коммунального скандалиста за грудки:

– Серега, да он же финн!

– С какого перепугу? – удивился участковый, но Воксова было уже не остановить – запихивая гопника в «аквариум», он довольно сопел и приговаривал:

– Не финн, так карел! Я тебе покажу Лупполово!..

Главному инспектору
Гону МВД России
генерал-майору
Урченко В. Н.

РАПОРТ

Докладываю, что заявление гражданки Лиймата К. С. (исх. № М-312 5 от 15.07.02), проживающей по адресу г. Санкт-Петербург, 15 линия, дом 68, квартира 87, по фактам преследования ее со стороны банды сотрудников органов внутренних дел и прокуратуры, направленное на Ваше имя, рассмотрено.

Лиймата К. С. зарегистрирована по вышеуказанному адресу, в отдельной однокомнатной квартире. Ранее она неоднократно обращалась во все возможные инстанции с жалобами, носящими бредовый характер, на то, что «организована охота» как за ней, так и за ее квартирой. В мае 2002 года в Василеостровском РУВД было рассмотрено очередное ее заявление, адресованное начальнику ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области в связи с «бандитским разгулом работников МВД и посягательствами на ее квартиру». Были тщательно изучены аналогичные, ранее поступившие ее заявления на имя Министра МВД РФ – вх. № М-87 от 11.02.02 г., на имя губернатора Санкт-Петербурга – вх. № М-200 от 01.04.02 г., в ПВС ГУВД СПб и ЛО – вх. М-86 от 11.02.02 г., в 16 отдел милиции – вх. № 398 от 2001 г., вх. № 405 от 2001 г. В ходе проводимых проверок указанные факты не нашли своего объективного подтверждения.

Могу дополнить, что я лично знаю гр-ку Лиймата с 1977 года как склочницу и интриганку.

В связи с чем 15.05.2002 г. было проведено заседание постоянно действующей комиссии УВД Василеостровского района Санкт-Петербурга по работе с письмами и заявлениями граждан, где было принято решение в соответствии с п.3.34 Приказа МВД РФ № 790-00 г. считать дальнейшую переписку с Лиймата К. С. нецелесообразной.

*Первый заместитель начальника ГУВД
начальник КМ ГУВД Санкт-Петербурга и ЛО
генерал-майор милиции
А. А. ВОКСОВ*

...Тем временем Токарев выдернул ремень из брюк неподвижно лежавшего Тельняшки, стащил с него ботинки и отбросил в сторону. Потом расстегнул на налетчике брюки, приспустил их, содрал пиджак на локте, предварительно ощупав карманы. В карманах не было ничего, кроме финки и мятого комка денег. Финку Артем положил к себе в форменный синий пиджак, над деньгами немного поразмышлял. Отец не раз ему детально объяснял, в чем разница между краденым и «взятым в бою». Богуславский, присутствовавший однажды при таком разговоре, добавил назидательно, как будто закон сформулировал: «Имперский сыск – запомни, вьюнош, – взятки не берет! Но! Но военная добыча – это святое! Даже у штрафников энкэвэдэшные заградотрядовцы не сразу отбирали то, что они в захваченных окопах надыбали!»

Решив, что в данном случае имеет место быть несомненная «военная добыча», Артем забрал деньги себе. Захлестнув кисти рук налетчика ремнем, Токарев набросил другой конец Тельняшке на шею и сильно потянул, упираясь коленом в спину лежащему. Тельняшка закряхтел, приходя в себя, завозился, пытаясь приподняться.

– Не шебаршись! – Артем потянул за ремни еще сильнее.

– А то?.. – прохрипел пленный.

– Прическу попорчу.

– Ну, тузик...

Налетчик отчаянно рванулся, но ремень так врезался в шею, что Тельняшка тут же обмяк...

Подышали. Потом блатарь снова подал голос:

– Ты, сучонок, до масти не дорос – в семейные дела суваться... Что за маскарад?.. Договоримся не в армии, у нас – не присягают.

Токарев промолчал – он не знал прозвище убитого, поэтому и не понял последних слов. Тельняшка заскрипел зубами:

– Слышь, с кем ты? Промычи. Время позднее, нам тут обнюхиваться... А?!

– Абвер, – усмехнулся Артем. Адреналиновый азарт у него еще не прошел, радости победы он пока не чувствовал.

– У-у-у... Какие слова знаем!.. Не всегда спасает!

– Имеем связи наверху? – поинтересовался Токарев – эту фразу и именно с такой интонацией он слышал от одного опера, работавшего вместе с отцом.

– Откуда нам, убогим... Но жизнь – штука бугристая... Ну, отпусти!

Двор наполнило пыхтение въезжавшего в подворотню старенького милицейского «газика».

– Все, – вздохнул с облегчением Артем. – Выходи строиться!..

Из «газика» выскочили два сержанта и младший лейтенант, который сноровисто надел наручники на Тельняшку и лишь потом обернулся к отряхивавшемуся (чуть картинно) Артему:

– Младший Токарев, хоть объяснишь, чего тут?

– Сейчас, – Артем деревянно кивнул, пытаясь унять нараставшую «отходняковую» дрожь, – сейчас... Там, напротив школы – на скамейке, – должен лежать мужик. Они его зарезали.

Младший лейтенант присвистнул и обернулся к сержантам:

– Проверьте.

Один из сержантов побежал к скамейке, второй остановился у входа в подворотню – так, чтобы видеть первого и одновременно держать под контролем двор. Первый добежал до скамейки, перевернул Присягу и закричал:

– Может, и живой еще! «Скорую» вызывай!

Артем помог младшему лейтенанту затолкать Тельняшку в «газик».

– Босой-то он чего? – удивился офицер.

– Виноват!

Токарев сбегал за ботинками налетчика и закинул их в «газик». Задним ходом машина выехала на улицу, развернулась и доехала до скамейки, где сержант вынимал из кармана Присяги пистолет «ГТ».

Младший лейтенант присвистнул еще более протяжно и внимательно посмотрел на Токарева:

– М-да... Тут правды не сыщешь...

Артем устало пожал плечами.

На улице сержант отгонял набежавших откуда ни возьмись прохожих:

– Проходим, проходим! «В мире животных» будете по телевизору смотреть!

...По приезде в 16-е отделение Тельняшку сразу провели к дежурному оперу ОУРа, а Артем зашел к отцу. Василия Павловича недавно назначили на должность заместителя начальника отделения по розыску, и теперь у него был отдельный кабинет.

Токарев-старший выслушал сына, ни разу не перебив, а когда рассказ закончился (сын старался быть по-военному кратким), долго молчал, со странным выражением на лице глядя на Артема – так, что тот даже забеспокоился:

– Пап, я разве не...

– Нормально, Тем, – не дал ему договорить Василий Павлович. – Все нормально, сын... Я... Ты молодец... Я просто смотрел сейчас на тебя и думал, как быстро летит время... Вроде совсем ведь недавно... Когда тебе было года полтора, ты научился говорить слово «дым» и ужасно радовался этому... Показывал на мои папиросы и кричал: «Дым, дым, дым», – и смеялся... А твоя мама говорила мне: «Вася, видишь, даже ребенок ругается, что ты дома куришь»...

Повисла пауза. Токарев-младший не знал, что сказать, потому что таким он отца почти никогда не видел – Василий Павлович сентиментальностью не отличался, сюсюканья не переносил и разными «сясями-масясями» сына не баловал. Артем, надо сказать, отсутствием нежности (в общепринятом смысле этого слова) никак не тяготился, хотя почему-то вдруг перехватило дыхание после нехарактерных для отца слов, произнесенных с совсем нехарактерной интонацией. Токаревы молчали, испытывая какую-то странную неловкость, потому что один не умел правильно говорить родительские нежности, а второй – отвечать на них. Не готовыми они оказались к застигнутому их моменту. Положение спас резкий звонок телефона. Василий Павлович с облегчением схватил трубку, привычно буркнув:

– Слушаю, Токарев.

Звонила бывшая супруга – она была настолько рассержена, что даже не поздоровалась:

– Василий!!! Мне только что звонила...

– Во-первых, здравствуй, Алка, – перебил ее бывший муж, – всегда рад тебя слышать. А сегодня – особенно. Сын-то у нас...

– Как раз об Артеме и речь! Василий! Мне только что звонила Алиса Гивановна, его завуч! Артем выпрыгнул из окна во время консультации! Я... Я... Ты же обещал мне... Немедленно, слышишь, немедленно...

– Подожди, Алла, – косясь на сына, стал повышать голос и Токарев. – Ты же не в курсе... Артем все сделал правильно, и я...

– Правильно?!! – трубка заверещала так, что даже Артем расслышал. – Ну, тогда ты сам и...

– Алла! – рявкнул, сорвавшись, Василий Павлович. – Орать ты будешь на нового мужа! Он бросил трубку на рычаги и закурил, отворачиваясь к окну.

– Мама? – спросил Артем, чтобы чем-то заполнить неловкую паузу. Отец кивнул, избегая смотреть сыну в глаза:

– Извини.

– Да ты что, папа, – пожал плечами Артем. – Я же все понимаю... Она... Мама просто из-за моей учебы переживает сильно, боится, что я «серым валенком» буду...

– Как я? – хмыкнул Токарев-старший, по-прежнему глядя в окно.

– Нет, пап... – окончательно смутился сын, – просто мама...

– Да ладно, – вздохнул Василий Павлович. – Все понятно, сын... У всех своя правда...

Он посопел, пошмыгал носом, размышляя напряженно о том, как разруливать возникшую проблему с завучем. Открыв ящик стола, быстро вытащил оттуда старый теннисный мячик и без предупреждения швырнул в сына. Артем ловко нагнулся, и мячик ударил в стену напротив, на которой висел плакат, изображавший бравого милицейского старшину. Мячик попал прямо в середину плакатного лозунга: «Твоя культура – твой Авторитет». Видно было, что в плакат уже неоднократно попадали предметами разной формы и веса.

– Птица! – заорал Токарев-старший. – Птица, твою мать!

Из кабинета за стенкой выскочил оперативник Птицын, отворил без стука дверь к Токареву и просунул внутрь лохматую голову:

– Че орешь, как потерпевший? Здорово, Темыч!

Василий Павлович выскочил из-за стола и вышел с Птицыным в коридор. Вкратце объяснив оперу ситуацию, Токарев поставил задачу:

– Короче! Нужно допросить учительницу и завуча – обязательно – как косвенных свидетелей. Возьми поручение от следователя и дуй в школу.

– Говно вопрос, – кивнул Птицын и пошел по коридору.

– Пурги нагони! – крикнул ему вслед Василий Павлович и, повеселев, вернулся в свой кабинет. Некоторое время он молча смотрел на сына, а потом сказал – жестко и безо всяких сентиментальных ноток:

– Ты – молодец. Ты все сделал, как надо. В школе мы все проблемы утрясем. Но! Самое главное – чтобы ты не стал героем. Понимаешь? В школе начнутся охи-крики, но ты должен помнить и понимать главное: то, что ты сделал, – не подвиг. Ты просто все сделал нормально. И не более того.

– Пап, да я и не...

– Все, закрыли тему, – махнул рукой отец. – Пойдем лучше «крестника» твоего посмотрим...

...Тельняшку мурыжили через три двери от токаревского кабинета. Когда отец с сыном вошли, там стало достаточно тесно. Тельняшка с делано равнодушным видом разглядывал потолок, руки у него по-прежнему были в наручниках, ботинки стояли рядом на полу.

– ...Имя у него такое, – сказал налетчик, видимо продолжая начатую до прихода Токаревых фразу, – заумное...

– Не Марчелла Зосипатоорыч? – задушевно спросил оперуполномоченный Ткачевский, усаживаясь на стол за Тельняшкой и складывая руки на груди.

– Точно! – обернулся к нему задержанный. – Сергеем звали!

Ткачевский молча, без замаха, отвесил блатарю звонко-сочную оплеуху.

– Понимаю, – сказал Тельняшка, восстановив равновесие на стуле. – Не доверяете!

Старший оперуполномоченный Евгений Жаринов его перебил:

– Приметы?!

Налетчик ухмыльнулся:

– Как же это я сразу-то не сказал: на груди портачка в виде свинки, играющей на скрипке.

– А на спине? – Жаринов подошел к задержанному вплотную.

– А на спине: «Маня, прости меня. Коля Климов».

Жаринов сразу же ударил Тельняшку кулаком под ребра, содрал себе кожу на костяшке о пуговицу на пиджаке, слизнул кровь с кулака.

– Не жалеете вы себя совсем, – прокряхтел налетчик. – ...Они, может, кровные братья. Не при делах я. Вот, школяр ваш подтвердить может – грызня между ними получилась.

Токарев-старший кивнул:

– Он и подтверждает – ты ноги-то сцепил?

Тельняшка покачал головой:

– Небось, романы читает на переменах... Не-а... Полжизни на корточках, а равновесие потерял – бывает... Уткнулся ему в копыта... Для плохослышащих – еще раз: я никого не убивал!

– Для складноговорящих! – рывкнул Жаринов, отвесив Тельняшке сильную затрещину по уху. Тот, явно ерничая, заскулил:

– Ой, дяденька, больно-то как!

– Прекрати! – поморщившись, бросил Токарев-старший оперу. – Без толку...

В кабинет зашел, по-свойски кивнув всем, седоволосый мужчина, лет под шестьдесят. Это был Семен Артемьевич Жейков, вышедший на пенсию пару лет назад, но, будучи оформленным «рюкзаком», продолжавший буквально жить в кабинетах ОУРа. Судя по заданному вопросу, ветеран тоже уже был в теме:

– Палыч, тебе этот фокус с коленями что напоминает?

– Соучастие в убийстве, – буркнул Токарев-старший, пристально глядя Тельняшке в глаза.

– А я чую закваску мордовских лагерей, – сказал Семен Артемьевич. – Как твоё фамилие?

Тельняшка обернулся к вновь вошедшему и, уловив его опытность, цыкнул зубом:

– А-а, старый пес конвойный!

– Ну, все, доблатовался, – вздохнул оперуполномоченный Ткачевский. Он не спеша встал, снял со спинки стула милицейскую рубашку без погон и начал сворачивать её в жгут.

Тельняшка втянул голову в плечи:

– Боюсь-боюсь! Признаюсь: был! Был на оккупированной территории!

Жейков вздохнул:

– Идеальный, стало быть, лесоповальных замесов...

– Наговариваете на меня, – во весь рот ощерился задержанный. – Сроду не обучен.

– Оно и видно, – кивнул Семен Артемьевич.

– погоди, – Токарев-старший чуть притормозил Ткачевского и обратился к Тельняшке:

– Последний шанс. Финка всегда при тебе?

– Э-э... Своему орудовцу подарите УПК за подвиги... Кто её видел? Откуда, как нарисовалась? То-то! Без зимы на сегодня!

Ткачевский рванул Тельняшку за ворот:

– Какая зима? Косить начинаешь? Глумишься?

– «Зима» – это нож, – устало сказал Семен Артемьевич, прищуривая глаза. Налетчик подмигнул ему:

– Не сдюжишь ты к ноябрьским с преступностью с ентими комсомольцами.

– Все, хватит! – махнул рукой Токарев-старший. – Красавца – в клетку. Устанавливайте его данные, как хотите. Жаринов! Своим ходом ствол с потерпевшего – на экспертизу. Купи бутылку коньяка, но чтоб результат был сегодня! Ткачевский! Ты – в ту же сторону. Мне нужны результаты с рукоятки отвертки, которой его закололи. Остальные будут помогать прокуратуре.

Ткачевский покачал головой:

– Ты инструмент видел? Там ручка такая, что какие там отпечатки...

– Да, продумали, значит... Ну, тогда не неси!

Оперативники выволокли Тельняшку из кабинета и повели его в дежурную часть, Василий Павлович направился туда же, потащив за собой и Артема. Приобняв сына за плечи, он шепнул ему:

– По поводу финки – в голову не бери, но потом обсудим... Сбегай-ка, купи что-нибудь пожрать. Сейчас я тебе денег дам...

Артем солидным жестом остановил отца:

– Не надо, пап, я осилю.

Василий Павлович удивленно-иронично взметнул вверх брови, но тут к нему обратился дежурный Воксов:

– Товарищ самый оперативный начальник! К вам из Средней Азии – человек восемь!

– И все за талонами на повидло? – удивился зам по розыску.

– Нет, – ухмыльнулся Воксов. – Все принесли по подушке и хотят найти фокусников, которые их им впарили вместо афганских платков.

Токарева аж перекосило всего:

– Какая скотина науськала их хороводом жаловаться?

Воксов пожал плечами:

– Так Птица по гостинице развесил объявление, чтоб гости Города трех революций звонили нам, как кто-нибудь предложит на продажу платки.

– Так ДО звонить надо, а не ПОСЛЕ! – заорал в голос Токарев.

Дежурный удивленно посмотрел на него и чуть нахмурился:

– Я фиников не люблю, а ты будешь не любить узбеков. Вот на них и срывайся!

Василий Павлович обернулся в коридор ОУРа и рявкнул:

– Арцыбашев? Гостиница – твоя земля?

Из кабинета, чуя недоброе, высунулся оперуполномоченный Арцыбашев:

– Это как посмотреть. Считается, что моя, но, с учетом вакансий в отделе и отпуска Терещенки...

Токарев-старший перебил его, категорически мотнув головой:

– В дежурку! Там толпа узбеков правду ищет. Извивайся как хочешь, но чтобы все заявления были зарегистрированы как один материал.

– Это каким же образом?

Проигнорировав вопрос опера, Василий Павлович обернулся к сыну:

– Ты еще здесь? Дуй за харчами! Да, в школу сначала забеги, извинись там. Вперед – марш!

Артем выбежал из отделения, потянулся на солнышке и, не особо торопясь, направился к школе. Занятия там уже закончились, и по дороге он встретил Аню Торопову – одноклассницу, с которой были планы на поход в кино. Аня шла домой, помахивая портфелем, – увидев Артема, она округлила глаза и прижала ладонь ко рту:

– Темка! Ты что натворил? В школе шухер такой был, когда ты в окно выпрыгнул... Брунгильда сразу к Алисе побежала, вся в истерике... А сейчас к ним обеим из милиции пришли, допрашивают в учительской... Что случилось-то? Тебя же до экзаменов могут не допустить.

– Допустят, – улыбнулся Артем и уверенно, солидно добавил: – Решим проблему.

В Ане пробудилась известная женская любознательность, именуемая отдельными мэйл-шовинистами любопытством:

– Тема, ну расскажи! Что случилось-то? Говорят, убили кого-то?

Артем интригующе молчал сколько мог, а потом, нарочито нехотя, кивнул:

– Вообще-то это секрет... Причем не мой, а служебный, но... Так и быть – скажу. Но с одним условием.

– С каким? – оживилась Аня, ощутив возможность первой в классе узнать какую-то сногшибательную новость. – Честное слово, я никому...

– Поцелуй! – перебил ее Артем. – За поцелуй – скажу.

Аня смутилась, потупилась и даже подалась назад.

– Ну, как знаешь, – с деланным равнодушием пожал плечами Артем и сделал вид, что собирается отправиться дальше. Этого Аня пережить уже не смогла – тайна уплывала прямо из рук:

– Подожди, – решительно сказала она и оглянулась. – Но не здесь же... Не на улице же...

Они забежали в подъезд, поднялись на один пролет... Одним поцелуем, разумеется, все не обошлось... Целовались долго, неумело, намяв друг другу губы до боли, компенсируя неумелость юношеским пылом. Когда ошалевший вконец Артем, уже не чувствуя собственных губ, попытался непослушными пальцами расстегнуть на груди Ани нерасстегивающиеся декоративные пуговицы, она, тяжело дыша, оттолкнула его от себя:

– Не надо... Погоди... Ты... Ты обещал... Рассказать...

Артем мотнул головой, провел рукой по взмокшим (как на тренировке) волосам и выдохнул:

– Ну, раз обещал... Знаешь, отец читал в детстве мне сказки про драконов, которые едят людей, и всегда говорил при этом, что их не существует... А сегодня я понял, что они есть... А значит – где-то есть и их логово. Не понимаешь?.. Ну, тогда без лирики... Там мужика закололи на скамейке. А я одного из его убийц поймал.

Он улыбнулся – и эта улыбка его и подвела. Аня решила, что одноклассник над ней издевается. Ее глаза мгновенно налились обидой:

– Дурак ты, Токарев! И... И...

Топнула ножкой и помчалась вниз, к выходу из подъезда.

– Ань, подожди, но я правда... – бросился было за ней Артем, но вдруг, вспомнив случайно услышанный сегодня разговор отца с матерью, остановился. Поскреб в затылке, вздохнул, вышел из подъезда и направился в школу. Там он забрал из пустого класса свой брошенный в суматохе портфель и поднялся на второй этаж, где располагалась учительская и кабинет завуча. Кабинет Алисы Гивановны оказался незапертым, но в нем никого не было. А вот через наполовину застекленную дверь учительской доносились голоса. Токарев осторожно подошел, чуть шире приоткрыл дверь, заглянул внутрь через полупрозрачное стекло. Увиденная картина радовала – веселый оперуполномоченный Птицын что-то втолковывал Брунгильде – симпатичной математичке – и Алисе Гивановне. Обе смеялись и даже слегка кокетничали с Птицей – так уж он был устроен, с ним почему-то кокетничали все женщины – от школьного возраста до пенсионного. Во взгляде Птицына удивительным образом сочетались детская беззащитность и накладываемая профессией брутальность. Представительницам прекрасного пола немедленно хотелось начать заботиться о Птице – таким он выглядел неустроенным. Конкретные проявления заботы очень быстро заканчивались постелью – причем даже трудно было понять, кто же кого туда в итоге затащил...

Алиса Гивановна Сакоян – строгая армянка лет сорока пяти – сидела на столе (!), кокетливо закинув ногу на ногу – так, что выше приличной нормы задралась узкая юбка, – и хохотала:

– Это ПЭРПЭТУМ МОБЭЛЭ какой-то... Растим ВЫТЯЗЭЙ! Нэт, я горжусь... Мэня допрашивают!

Птица виновато, неустроенно и в то же время игриво улыбался. Токарев-старший знал, кого послать в школу...

Артем помялся, улыбаясь, а потом решил, что извиниться за то, что, ничего не объяснив, выпрыгнул в окно, сможет и завтра. Да и Алису в неловкое положение ставить не хотелось – при школьниках она никогда не позволяла себе сидеть на столе. Честно говоря, Токарев-младший вообще не предполагал, что она может сидеть на столе и шерудить ногами перед мужиком, поскольку всем в школе завуч казалась дамой очень строгой во всех отношениях...

...Обратно в 16-е отделение Артем вернулся через пару часов, нагруженный едой и пивом. Пиво ему удалось купить не без проблем – оно в те времена, между прочим, продавалось не всегда и не везде, да и возраст Токарева-младшего был еще совсем не «пивным». Но он справился с проблемой – ему очень хотелось сделать что-то приятное для отца плюс к тому же, по оперской традиции, с первого «крестника» полагалось проставляться, так что Тельняшкины капиталы пришлись весьма даже кстати...

...В дежурке жизнь текла своим чередом. В клетке на скамейке развалился Тельняшка, не обративший на вошедшего Артема никакого внимания; другой задержанный – по виду обычный гражданин, никак не связанный с преступным миром, – стоял у решетки и пытался договориться с помощником дежурного – не молодым уже старшиной:

– Товарищ старшина, позвоните жене, пожалуйста... У меня и так неприятности будут... Ну пожалуйста, ну что вам стоит...

– Не скули! – оборвал его презрительно Тельняшка. – От тебя падалью смердит!

Задержанный испуганно отшатнулся от решетки и присел в углу прямо на пол, так как все место на скамейке было занято налетчиком.

Тельняшка потянулся и крикнул старшине:

– Командир! Папироску бы!

– Перетопчешься, – зевнул в ответ старшина. – Оперчасть подаст.

– Так ведь скоро уже за амбар поведут стрелять! – возмутился Тельняшка и даже сбросил ноги со скамейки.

– Отстань, – беззлобно ответил что-то писавший старшина, – вот зарегистрирую эту белиберду, выйду...

Налетчик с надрывным завывом вздохнул-всхлипнул после короткой паузы:

– Да-а, вот умер товарищ Сталин, так за нас теперь и заступиться некому!

Из коридора ОУРа вышел дежурный Воксов, усмехнулся и протянул Тельняшке беломорину и одну спичку:

– Не туши только о стены.

– Благодарствую, – с достоинством ответил Тельняшка и тут же зажег спичку о свои брюки. В сторону Токарева-младшего он так ни разу и не взглянул. Артем угостил старшину и Воксова пивом и пошел к отцу в кабинет.

Василий Павлович, увидев принесенную сыном снедь, улыбнулся и присвистнул:

– Растем!

В этот момент зазвонил телефон. Артем начал выгружать припасы на стол, а Токарев-отец схватил трубку:

– Узбекфильм!

– Гюльчатай Прокуроровна беспокоит! – ехидно ответила трубка, и лицо Василия Павловича немедленно приобрело умильно-виноватое выражение.

– Лариса, как ты вовремя... А у нас тут...

– Черт, Токарев! Хоть бы раз соврал красиво, – на другом конце линии обозначился явственный вздох.

– Позвольте, – забормотал Токарев-отец, косясь на сына.

Артем сделал вид, что ничего не слышит и не понимает, хотя мысленно усмехнулся, сообразив, кто звонит. Помощник прокурора района Лариса Михайловна Яблонская надзирала за милицией. Мало для кого являлось тайной то обстоятельство, что Токарева-старшего и Яблонскую связывали не только служебные отношения. Ходили даже слухи, что несколько лет назад, когда Лариса Михайловна была еще следачкой, а Василий Павлович – опером, их застукали на диване в одном из кабинетов ОУРа. На том диване с интервалом в месяц постоянно кого-нибудь застукивали...

– Короче говоря, – сказала Лариса Михайловна, – у меня есть новости. Новость первая: я проверила материалы только по 16-му отделению, и мне хватило. Обнаружено к сотне грубейших, ты слышишь – грубейших – нарушений, из которых семьдесят две – откровенные фальсификации.

– Лариса, опомнись, – забубнил Василий Павлович, вертясь на стуле, как на иголках. – Где ты слышала...

– Не слышала, а видела, – непримиримо оборвала его представитель надзирающего органа. – Причем все семьдесят две фальсификации – с земли твоего Птицы. Любимчика твоего, донжуанчика скромного...

Артем, по-прежнему пряча улыбку, делал вид, что не слышит разговора. Токарев-старший, похоже, был уже готов залезть под стол:

- Лара, Лара... Ну что ты как с цепи сорвалась?..
- С цепи? Я просто хотела тебя проинформировать, что мне все надоело, и все семьдесят два материала я возбуждаю.
- Лара! – отчаянно возопил Василий Павлович, но абонент не знал жалости:
- Вы бы хоть потрудились укрывать по-умному...
- Лара! – Токарев выскочил из-за стола, обежал его кругом и повернулся к сыну спиной, видимо, полагая, что так разговор будет менее слышен. А может, он просто не хотел, чтобы Артем видел его лицо:
- Лариса! Если ты возбудишь все семьдесят два КП... Лара, мы будем не последние в городе, а последние в мире!
- Зато научитесь надолго!
- Лара, послушай, это не телефонный разговор... Я сейчас с трупом разберусь... Не вру – твой же следак работает! А? Посидим за кофе, там-сям, обсудим, как вывернуться...
- Там-сям за кофе я и сама могу, – сказала Яблонская, – а выворачиваться не мне нужно...
- Все, – в голосе Токарева явственно прозвучали капитулянтские нотки, – все, понял... Лар, кончай лютовать, свои же люди... Ну что ты...
- Свои... – хмыкнула Лариса Михайловна после паузы. – Когда это было... Я только не могу понять одного: почему я должна все эти каракули читать, потом потворствовать абсолютно явным нарушениям, и все – по большому счету – для того, чтобы с тобой встретиться.
- Токарев оглянулся воровато на сына, потом махнул рукой, развернулся и сел на стол, решив, видимо, что все его конспиративные попытки со стороны выглядят просто смешно:
- Лара, ты... Ты не сердись на меня... Я, конечно, скотина... Ты знаешь, у меня ну все так... Давай на выходные в Выборг съездим... А? Поехали? Честно. Ну поехали, и возбуди ты все эти КП, чтобы ты не подумала... Ой, нет, Лара, не надо возбуждать – иначе петля...
- Яблонская помолчала, а потом сказала совсем иным тоном – женским, а не прокурорским, как до этого:
- В субботу утром тогда заедь за мной... Если нет – то я выкручусь и специально напишу хвалебный отзыв о 16-м. Целую тебя.
- Василий Павлович положил трубку и виновато посмотрел на сына. Артем, закончивший к этому моменту сервировку стола, ободряюще улыбнулся отцу:
- Да ладно, пап, не переживай... Я ж все понимаю. С женщинами всегда все не слава богу. У меня вот сегодня – тоже... Ты, главное, в голову не бери...
- Токарев-старший открыл рот, слушая свое чадо, но что-либо внятное вымолвить смог не сразу.
- Растем... – покрутил головой Василий Павлович. – Ладно, я пойду ребят позову...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по результатам проверки
заявления гражданина
Кругликова Антона Игоревича
(вх. № К-7 от 11.11.1980 г.)

11.11.80 г. в Василеостровское РУВД поступило заявление от гр-на Кругликова А. И. о том, что 10.11.80 г. в 21.45 в туалете кафе «Сфинкс» по адресу 2-я линия, дом 15, он был незаконно задержан сотрудниками 16-

го отделения милиции Токаревым В. П. и Птицыным П. А., находившимися в состоянии сильного алкогольного опьянения, якобы за торговлю с рук в неустановленном месте, и что в момент задержания ему были нанесены побои.

Проведенной проверкой установлено, что зам. нач-ка по опер, работе 16 о/м Токарев В. П. и о/у 16 о/м. Птицын П. А. 10.11.80 г. около 21.00 прибыли в кафе «Сфинкс», находящееся на обслуживаемой ими территории, по оперативной необходимости – для перекрытия канала сбыта краденого в местах концентрации антиобщественного элемента. В 21.40 они заметили гр-на Кругликова А. И., знакомого им как официанта ресторана г-цы «Гавань», который предлагал какую-то вещь неустановленному посетителю кафе.

Сотрудники Токарев В. П. и Птицын П. А. приняли решение под залегендированным предлогом попросить гр-на Кругликова А. И. выйти из зала кафе в гардероб для того, чтобы в беседе выяснить, что продает последний. На предложение выйти и после ознакомления с удостоверениями сотрудников милиции (хотя в своей жалобе гр-н Кругликов А. И. указывает, что знал сотрудников в лицо) он ответил нецензурной бранью. Во избежание конфликтной ситуации в кафе во время отдыха посетителей гр-н Кругликов А. И. в вежливой форме был препровожден в туалет кафе. В туалете сотрудники объяснили гр-ну Кругликову А. И. цель их визита в кафе, необходимость подобных профилактических бесед и предложили показать им содержимое сумки. Побоев гр-ну Кругликову А. И. нанесено не было. Гр-н Кругликов А. И. согласился и добровольно вынул из сумки два блока сигарет импортного производства «Мальборо», пояснив, что он их случайно обнаружил 9.11.80 г. в ресторане г-цы «Гавань» после своей смены. При этом гр-н Кругликов А. И. продолжал выражаться нецензурной бранью, на замечания сотрудников не реагировал.

Сотрудники Токарев В. П. и Птицын П. А. приняли решение доставить гр-на Кругликова А. И. в дежурную часть 16 о/м за продажу с рук в неустановленном месте, мелкое хулиганство, а также отработать гр-на Кругликова А. И. оперативным путем на причастность к кражам у иностранных граждан в г-це «Гавань». Что и было сделано.

На гр-на Кругликова А. И. был составлен протокол об административном правонарушении, два блока сигарет импортного производства «Мальборо» изъяты и уничтожены в присутствии понятых как продукты питания, не подлежащие сдаче в торговую сеть. Причастность гр-на Кругликова А. И. к иным правонарушениям не подтвердилась.

Также установлено, что в последующих объяснениях гр-н Кругликов А. И. пояснил, что его не избивали и что в настоящее время он никаких претензий к сотрудникам милиции по поводу его задержания не имеет.

На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. 5 п. 2 УПК РСФСР, ПОСТАНОВИЛ:

1. Материал сдать в архив Василеостровской прокуратуры, дальнейшую проверку прекратить.

2. О принятом решении уведомить гр-на Кругликова А. И.

*Заместитель прокурора Василеостровского района
Яблонская Л. М.*

...К вечеру, когда в ОУРе рабочая суета достигла апогея, Артем с Семеном Артемьевичем Жейковым покинули 16-е отделение. Семен Артемьевич жил неподалеку от Токаревых, так что было непонятно – кто кого провожает до дому. Они медленно брели по улице, довольные закончившимся днем.

– Дядь Семен, – нарушил молчание Артем, – а вы что, в Мордовии служили?

– В Мордовии? – удивился Жейков. – Почему в Мордовии? А-а... Это ты, когда я «крестнику» твоему про лагеря?.. Нет, это просто присказка такая. Уж больно люто там раньше, в Мордовии, было. И те из блатных, кто там не ломался, они... они как бы печать на себе несли...

– А сейчас? Как там?

– Тоже не мармелад...

Помолчали еще.

По лицу Токарева было видно, что его мучает какой-то вопрос, который давно уж вертелся на языке, но все не получалось его задать. Наконец Артем решил:

– Дядь Семен, убийца, которого я поймал... случайно... он кто?

– С каких же щей – случайно? – не согласился с токаревской скромностью Жейков. – Такого упырька случайно не возьмешь... Ребята там дорабатывают, но, похоже, что взял ты некоего Тельняшку, я слыхал за него краем уха... Он рыбина крученая, из блатных, стремящийся...

Артем чуть порозовел от удовольствия и тут же задал новый вопрос:

– Не сильно ему досталось?

Семен Артемьевич слегка мотнул головой:

– Сначала ты навалял ему за дело и в погоне. Это не считается. А потом... Не гоняй.

– Он угрожал мне, – буркнул Артем, вспомнив, как сидел на спине Тельняшки – казалось, что это было уже давно – вчера или позавчера...

– Пустое, – махнул рукой Жейков. – Хотя...

Токарев чуть напрягся.

– А воры... Они что – все такие?

Пенсионер посмотрел на мальчишку с улыбкой:

– Не вор он, я же сказал: стремящийся... А воры... Тема сия мудреная, враз не объяснишь... Расскажу тебе случай. Запоминай. Было это в 1947 году, как сейчас помню, зимой, в ивдельских лесных лагерях. Тогда чернее зон по Союзу не сыскать было. Места там, я тебе скажу, укромные... На лагпункт привели этап – человек эдак четыреста. Так вот – из зоны блатные кричат: «Сколько людей?» А в ответ: «Шесть человек!» Это значило, что на весь этап – шесть воров. Теперь вдумайся: вор, по-ихнему получается, – синоним человеку. Следовательно, не вор – не человек. Вот и вся недолга. Я в сорок седьмом срочником был, но эти крики запомнил...

В этот момент пенсионер и школьник поравнялись с еще работавшим пивным ларьком. Семен Артемьевич хищно втянул носом воздух, уловил приятный дух:

– Все, завязываем о непростом болтать. Давай-ка лучше по пивку...

...Себе Жейков купил большую кружку, Артему – маленькую. Сдувая пену на асфальт, Семен Артемьевич сказал серьезно:

– Тема, я вроде как дистанцию соблюдаю, ну и воспитываю тебя. Так что кружки не равны.

– Ни на что не влияет, – солидно отозвался Токарев и тут же спросил: – Дядя Семен, а правда, что у вас медаль «За отвагу» есть? Ребята говорили... А за что?

– А-а, – отмахнулся Жейков. – Одного мазурика задержал... Он меня подстрелил легонько – в руку... Ничего такого-растакого... Бежал за ним долго... Ладно, Артем Васильевич, с почином тебя. Будем!

И Жейков легонько стукнул своей большой кружкой по маленькой, с которой Артем пытался по-взрослому сдуть пену. Пена обрызгала Токареву нос – она была холодной и приятно щекоталась.

– Будем! – ответил Артем и улыбнулся...

«Известия»

от 12.05.1963 года

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР О НАГРАЖДЕНИИ капитана милиции Жейкова С. А. медалью «За отвагу»

За мужество и отвагу, проявленные при охране общественного порядка и задержании вооруженных преступников, наградить:

медалью «За отвагу»

капитана милиции Жейкова Семена Артемьевича.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Л. Брежнев

Секретарь президиума Верховного Совета СССР

М. Георгадзе

Москва, Кремль,

10 мая 1963 г.

Сотрудник ленинградского уголовного розыска Семен Жейков встретился с вооруженным преступником в пути. Проезжая на мотоцикле своего знакомого через село Крукеничи Львовской области, где находился у матери во время очередного отпуска, он услышал призыв о помощи. Кричала кассир сельпо т. Кундис, у которой неизвестный отнял чемодан с деньгами. Эти деньги – 2 430 рублей – были предназначены для сдачи в отделение Госбанка. Милиционер отправился в погоню. Преследование было недолгим. Жейков увидел человека с чемоданом в руке и малокалиберным ружьем. Заметив, что его догоняют, преступник пустил в ход оружие. Семену перебило руку. Он уже не мог вести мотоцикл. Оставив его, Жейков не прекратил погони, задержал грабителя и доставил его в сельский совет.

Бандит привлечен к уголовной ответственности».

Тульский

Июнь 1978 г.

Ленинград, Васильевский остров

...В добротной четырехкомнатной квартире Сочивановых Артур себя чувствовал не то чтобы совсем уж неуютно, но, как говорится, элемент скованности присутствовал...

Все второе полугодие восьмого класса Тульский пытался обратить на себя внимание Дины Сочивановой из параллельного класса. Не сказать, что девочку Бог одарил неземной красотой, но – фигура, осанка, надменный взгляд огромных серых глаз, иронично-интеллигентская манера говорить плюс папа-профессор, преподававший в Горном институте, –

все это превращало Дину, по мнению многих мальчишек, чуть ли не в принцессу. Артур исключением не был, хотя и кривился скептически, слушая сопливые вздохи одноклассников по мадемуазель Сочивановой. Сам Тульский вздыхал тайно, злился непонятно на что – скорее всего, на собственную же нехарактерную для него робость – он, легко сходящийся с людьми и прекрасно чувствующий себя в конфликтно-экстремальных ситуациях, не мог придумать, как завязаться с Диной. Это безумно раздражало и приводило даже к тому, что пару раз Артур отпустил вслед Сочивановой грубовато-подковырочные замечания – под льстивый смех одноклассников.

Некое подобие отношений сложилось только после выпускного вечера, венчавшего окончание экзаменов за восьмой класс. Артур, кстати, к удивлению многих учителей и родителей, полагавших, что такому – место только в ПТУ, был переведен в девятый класс. А поскольку восьмых классов в их школе было четыре, а девярых – только два, то судьба свела Сочиванову и Тульского в одном классе...

На выпускном вечере Артур пригласил Дину на танец, и она, несказанно удивив многих, приглашение приняла. А потом еще и сама пригласила Тульского на «белый» танец. Тут уж все окончательно обалдели. Новость о «романе» главного хулигана школы и профессорской дочки обсуждали между собой на все лады не только школьники, но и некоторые родители.

После выпускного Дина с Артуром пару раз погуляли по набережным (Тульский даже за руку взять девушку так и не решился), а потом последовало приглашение в гости. Чтобы не было ненужных иллюзий, Сочиванова сразу предупредила, что «родители будут очень рады». Тульскому, конечно, интереснее было бы остаться с Диной в квартире наедине, но... Не все сразу, как говорится...

Профессорская квартира чуть придавила Тульского своей роскошью – старинная мебель, картины, какие-то карты на стенах, – в таких домах ему еще не доводилось бывать. Дине очень нравилось то, под каким впечатлением находился примолкший гость. Она-то чувствовала себя раскованно и уверенно на своей территории, да и родители были рядом – в общем, все преимущества наличествовали.

Она быстренько накрыла на стол в гостиной; подала чай в старорежимных чашках, варенье в специальной вазочке, печенье на блюде...

Чай пили чинно, почти по-светски, коротко переговариваясь вполголоса. Артур изо всех сил старался вести себя воспитанно. В принципе, у него получалось, вот только горячий чай он втягивал в себя со слишком громким хлопаньем, не замечая, как улыбается на это Дина...

Долго усидеть за столом Тульский, разумеется, не смог. Он встал, подошел к книжным стеллажам – книг в квартире было очень много, – начал разглядывать корешки. Многие названия вызывали оторопь.

– Концепция тектонических разломов, – прочитал Артур вслух и вздохнул: – Красиво...

Стеллажи были украшены какими-то вазочками и бронзовыми фигурками. У Тульского начало рябить в глазах. Дина встала, подошла и, положив руку на фигурку собаки, сказала с гордостью:

– Конец XIX века, Польша. Очень тонкая ковка.

– Красиво! – Артур не понял, где какая ковка, и взял в руки фотографический портрет молодой женщины в старинной кожаной рамке. Дина аккуратно и тактично забрала у него портрет:

– Это моя бабушка по отцу. Она была смолянкой, но доучиться не успела из-за революции.

– Красивая! – похвалил Тульский бабушку и попытался составить куртуазный комплимент: – Пряма вся в тебя!

Дина приснула. Тульский недоуменно глянул на нее и насунился. Ему очень хотелось поцеловать девушку, но... Смушала даже не близость родителей, а непривычная атмосфера учености, академический дух, витавший в квартире. Уважуха! Целоваться в храме науки было как-то стремно. Стремно, но очень хотелось...

Раздираемый противоречивыми чувствами, Артур судорожно схватил с полки старинный альбом – из него вылетела какая-то гравюра. Тульский ойкнул, попытался исправить оплошность, умудрился схватить листок на лету – но, естественно, смял его. Дина чуть нахмурила бровки, но, будучи девушкой воспитанной, сказала:

– Не переживай, я разглажу.

Тульский, покраснев и переминаясь с ноги на ногу, только кивнул, опасаясь трогать руками еще что-либо.

Водворив альбом на место, мадмуазель Сочиванова открыла крышку дорогого проигрывателя и поставила какую-то пластинку, извлеченную из солидной картонной коробки-конверта. Тульского она взяла за руку и усадила на диван – от греха.

– Ты, наверное, не любишь романсы?

Артур промышчал что-то неопределенное, но прислушался. Пел Виноградов. На словах «мщенья ищет душа» Тульский, внимательно разглядывая люстру, заметил:

– Я бы написал – «мщенья ищет рука».

Дина приснула, Тульский на всякий случай также улыбнулся.

Пластинку дослушали в молчании. Когда затих в хрустальных подвесках старинной люстры отзвук последнего аккорда, Артур встал и изобразил некое подобие поклона:

– Красиво... Слушай, я это... Пора мне. Бедное сердце тоскует... Я отвергнут, он торжествует. Страшное дело.

– Бедное сердце, – рассмеялась Дина. – Пойдем, я тебя провожу. – И она легко провела рукой по светлым волосам Тульского, компенсировав этим жестом все неудобства «званого вечера». Артур возликовал, расправил плечи и, светясь радостью, заглянул на кухню попрощаться с родителями девушки:

– Благодарю за варенье-печенье. Всего!

Профессор Сочиванов ошарашенно поднял брови и в некотором замешательстве неуверенно кивнул:

– Всего...

Мама Дины изо всех сил прятала нормальную человеческую улыбку...

...Они шли вдоль большого сталинского дома, Артур держал Дину за руку, улыбался и вполуха слушал, что она говорит:

– ...Сама толком не разбираюсь в предметах, которые преподает отец. Пока только научилась выговаривать: гамма-спектральный коротажд...

Тульский вдруг почувствовал, как девушка вздрогнула, и быстро огляделся: метрах в десяти от них стоял высокий крепкий парень, явно старше и сильнее Артура. Лицо его добрых чувств не выражало.

Дина, конечно, сразу узнала молодого человека – это был Олег Хоров, сын маминой подруги. Олег уже закончил десятый класс, готовился к поступлению в институт. Дину Олег считал «своей» девушкой. Тульский, почуяв, что конфликт неизбежен, чуть отошел от Дины в сторону и завертел головой, ища глазами приятелей парня. Не обнаружив таковых, Артур ухмыльнулся. Молчание нарушила Дина, решительно встав между соперниками:

– Только не подеритесь! Говорить буду я!

– Ну что ты, – улыбнулся Тульский. – Не волнуйся, драки не получится.

Олег презрительно кривил губы. Не глядя на Артура, он чуть более громко, чем следовало бы, сказал:

– Дина, я не знал, что вы выйдете вместе. Нам надо поговорить с... товарищем.

– «Нам» – это кому? – удивился Тульский. Парень не удостоил его ответом.

– Олег! – горячо заговорила Сочиванова. – Мы же взрослые люди...

– Что ж тогда ты с сопляками чумазыми прогуливаешься? – не дал ей договорить

Хоров.

Артур дернулся:

– Ты конфликта ищешь вечерами?

Олег наконец перевел взгляд на него, отстранил Дину и внятно произнес:

– При красивой девушке по голой жопе ремнем получить не пробовал?

– Солдатским? – ужаснулся Тульский. Потирая нос, он незаметно шагнул вперед, сокращая дистанцию.

– Что ты там вякнул?

– Олег... – загудел плаксиво Артур, подходя еще ближе, – ну, Олег, не горячись, ну не прав я, извини...

Неожиданно Тульский резко ударил парня пальцами в глаза. Тот вскрикнул, схватился руками за лицо, чуть согнулся – Артур тут же ударил его головой в переносицу. Олег начал оседать, Тульский помог ему ударом колена в лицо. Парень навзничь упал на газон, раскинув руки.

– Да вы что? – ужаснулась Дина, подсакивая к поверженному ухажеру.

– Да не волнуйся ты, – Тульский отстранил ее одной рукой. – Откачаем...

И тут же прыгнул ногами Олегу на лицо – тот даже не застонал. Дина взвизгнула и на мгновение окаменела.

– Ну вот, – сказал Тульский. – Я же обещал.

– Что обещал? – машинально спросила потрясенная девушка.

– Обещал, что драки не будет...

Сочиванова дико взглянула на него и бросилась к Олегу – встала на колени, попыталась приподнять парню голову:

– Мерзавец...

– Брось, – махнул рукой Тульский. – Анальгин – не дефицит, оклемается... Меня еще и не так учили, ничего. А... А по поводу мерзавца – я, кажется, чего-то недопонял!

– Ты, ты мерзавец! – закричала Дина.

Тульский остолбенел – по его понятиям, происходило что-то непонятное и абсолютно несправедливое. Сочиванова больше на него не смотрела. Артур взял себя в руки и, не унижаясь дальше лишними объяснениями, с кривой улыбкой сказал:

– Во оно как... Ну, бывайте...

И побрел прочь, отчаянно надеясь, что Дина поймет свою ошибку, окликнет, догонит... Она не окликнула.

Не оборачиваясь, Тульский фальшиво пропел оставшуюся в памяти строчку из романа:

– Когда на него ты глядишь так умильно...

Реакции не последовало. Чтобы еще больше задеть Дину, Артур заорал в голос другую строчку – уже из кинофильма «Собака на сене»:

– «Венец творенья – дивная Диа-ана!!!» Ответом ему было только эхо, гулко разлетевшееся между сталинскими домами.

СПРАВКА

о мероприятиях по поддержанию общественного порядка,
проведенных совместно с инструктором Обкома КПСС 28 июля
1989 года

28 июля 1989 г. в период с 14.00 до 18.00 совместно с инструктором
Областного комитета КПСС тов. Хоровым О. Н. группа сотрудников 3-
го отдела ГУВД провела рейд в местах экскурсионного обслуживания
иностранцев: на крейсере «Аврора», в Петропавловской крепости,
на пл. Диктатуры пролетариата, Исаакиевской пл., пл. Искусств.

Тов. Хоров О. Н. присутствовал при задержании лиц, занимающихся
назойливым приставанием к иностранцам с целью скупки вещей и валюты,
ознакомился с порядком оформления административных материалов, лично
беседовал с задержанными: Петрушечкиным, Коропец, Войцеховским
и др. До его сведения были доведены сложности работы спецгруппы
милиционеров при 3-м отделе ГУВД, отсутствие транспорта и связи,
помещений вблизи мест концентрации антиобщественного элемента,
что в конечном счете затрудняет работу в этом направлении, сказывается
на ее эффективности.

4 августа 1989 г. в период с 20.00 до 4.00 тов. Хоров изъявил
желание участвовать в проведении оперативно-поисковых мероприятий
в районе гостиниц «Москва», «Ленинград», мотеля-кемпинга «Ольгино»
по задержанию лиц, специализирующихся на совершении грабежей
иностранцев.

В ходе проведения мероприятий тов. Хоров беседовал с сотрудниками
3 отдела ГУВД о сложной оперативной обстановке, складывающейся
по линии работы отдела, трудностях, с которыми сталкиваются сотрудники
при несении службы.

Тов. Хоров О. Н. удовлетворен действиями сотрудников 3-го отдела
ГУВД ЛО.

*Начальник 2 отделения 3 отдела ГУВД Леноблгорисполкомов
майор милиции*

В. Ф. Сорокин

«__» августа 1989 г.

...В тот вечер Артур впервые в жизни напился. Очнулся он только под утро, на ступенях набережной возле сфинксов, напротив Академии художеств. Рядом сидел Варшава и смотрел на серые волны Невы. Заметив, что взгляд Тульского стал осмысленным, Варшава сказал, не поворачивая головы:

– Женщины, они уважают силу, но обожают жалеть раненых страдальцев. Перемелется...

Артур со стоном прислонил лоб к гранитному подножию сфинкса. Ему было очень плохо. Казалось, что ничто никогда не перемелется...

Токарев

Май 1979 г.

Ленинград, Центр, Манеж

В Манеже было шумно – шел второй день первенства города среди юниоров. Нельзя сказать, что трибуны были заполнены до отказа – на такие соревнования приходят в основном либо совсем уж серьезные ценители бокса, либо друзья да родственники спортсменов. Но кое-какой народ все же был – начинались финальные бои, а на них зрители, как правило, подтягиваются. Артем на этом первенстве не выступал – его возраст еще соответствовал лишь категории «старшие юноши», «юниором» он должен был стать в следующем сезоне. Токарев пришел поболеть за ребят из своего клуба, пришел не один, а с девушкой – все с той же одноклассницей Аней Тороповой, отношения с которой развивались как-то странно, но все же – развивались. Артем с Аней то встречались после школы очень часто, то ссорились и не разговаривали по несколько месяцев. Инициатором и ссор, и примирений всегда была Аня – Токареву казалось, что она его специально заводит, дразнит – в общем, издевается и глумится. А может быть, девушка опасалась излишней сексуальной настойчивости Артема... Последнюю границу близости они еще не преодолели, но... До нее оставалось совсем чуть-чуть. Несколько раз Токарев провожал Аню домой после школы, заходил к ней в гости – разумеется, не ради того, чтобы «чаю попить». Чай ведь попить можно и дома... Пользуясь тем, что Анины родители возвращались с работы лишь в восьмом часу, Артем начинал приставать к девушке – и «приставания» эти могли длиться часами, потому что оба теряли контроль за временем. Аня на поцелуи отвечала охотно, а вот дальше... Нет, она тоже заводилась (да еще как – раскрасневшаяся, с легкой испариной от частого дыхания – она превращалась просто в красавицу), но, что называется, полностью контроль над ситуацией не утрачивала, чем доводила Артема до бешенства. Пару раз Токарев сумел все-таки стащить с нее платье и все остальное, но потом Анька уходила в глухую защиту, пробить которую пока не получалось. Пока. Артем надежды не терял – платье с девушки ему ведь тоже удалось снять не с первого захода... Ради этой своей надежды он готов был терпеть даже попытки Тороповой заняться его воспитанием. Аня, как и большинство ее сверстниц в этом возрасте, считала себя намного мудрее сверстников. В последнее время Аня ни с того ни с сего вдруг взъелась на бокс – она считала, что Артем зря занимается «этим дебильным мордобоем» и что если он не бросит немедленно «эту дурость», то и сам вскоре станет дебилом, «как все боксеры». Артем очень хотел Аню, но даже ради нее (а точнее – ради ее каприза) предавать бокс не собирался. Они крупно повздорили, и он хотел было уже послать одноклассницу куда подальше, но вспомнил сумасшедшую белизну ее голых ног и... И попытался Ане рассказать о боксе, попытался объяснить, что это спорт, а не просто мордобой. К его великому удивлению, Анна согласилась пойти на соревнования. Токареву еще лишь предстояло постичь простую аксиому, что женщины свои безапелляционные мнения могут так же безапелляционно менять. Причем сами представительницы прекрасного пола эту свою особенность не отрицают, но и ничего странного в ней не находят – чем доводят мужиков иногда просто до иступления...

Итак, Артем и Аня сидели на трибуне Манежа. Надо сказать, что девушка оказалась болельщицей на удивление страстной – в обморок не падала, глаза от ужаса не закатывала, наоборот, казалось, что «дебильный мордобой» ее даже возбуждал. По крайней мере руку Артема она стискивала очень эротично. Впрочем, Токареву по тем временам любое соприкосновение с Анькой казалось жутко эротичным...

А на ринге работал хороший приятель Артема Леха Суворов. Выступая в весовой категории «полутяж», он достаточно легко вышел в финал, но на этом вся легкость для Лехи и закончилась, потому что противник ему достался серьезный – Сева Гордеев, по прозвищу Сева Негр. Прозвали его так, кстати, не за кучерявые волосы и не за смуглый цвет кожи, а за удивительную выносливость и презрение к боли. Гордеев был парнем туповатым, но энергичным, книжек не читал, полагал, что в жизни удача зависит не от образования,

а от силы и воли. Леша Суворов обладал техникой боя чуть ли не на порядок выше, чем у Гордеева, но... Почти у каждого из побежденных Гордеевым на пути к финалу «техника» была лучше. Но они проигрывали.

Вот и Суворову приходилось трудновато. Артем приобнял Аню за плечи и, вдыхая запах ее волос, начал вполголоса комментировать бой:

– Ты понять не пытайся... Следи только за его левой рукой... Видишь, он ее чутко опускает?

– Вижу. И что? – Аня возбужденно облизала губы, и Токарев чуть не поперхнулся – ему пришла в голову мысль, что если бы он мог стащить платье с Тороповой вот прямо сейчас, то... Глядишь, и выгорело бы... Интересно, почему на некоторых девушек вид крови, удары или броски действуют так странно? Артем где-то читал, что древнеримские матроны чрезвычайно сильно возбуждались, глядя на гладиаторские бои. Торопова, конечно, не матрона, но...

– Так и зачем он ее опускает, руку-то?

– А? – Токарев тряхнул головой, отгоняя истомную блажь. – Это и есть «техника»... Он ловит, понимаешь? Ждет, караулит... Это как в фехтовании...

– А у второго почему не опускается?..

Вокруг них засмеялись – естественная мужская реакция на девичье незнание некоторых специфических идеологических выражений.

– Вчера на приеме в Кремле жена американского посла отказалась есть груши, мотивируя свой отказ тем, что она знает, чем их в России околачивают... – Взрослый мужик, сидевший на ряд ниже, отпустив эту шутку, подмигнул Артему. Смех усилился. Аня, интуитивно догадавшись, что смеются над ней, растерянно завертела головой:

– Я что-то не так сказала? Чего они?

– Не обращай внимания, – чуть нахмурился Токарев. – Шутят люди... Смотри на ринг... Второй – это мешок воли, завязанный злостью. Он физически сильнее Лехи. Поэтому пытается уйти в обмен ударами. То есть... Ну, как если бы – ты мне по роже, я тебе – и так далее, кто первый сломается... Леха это знает, понимает, что на обмене – ему хана.

– Почему? Он слабее?

Артем улыбнулся:

– Он... техничнее. У него другая школа.

– Значит, лучше? – Аня все-таки пыталась получить более или менее конкретный ответ. Объяснения Артема она не очень понимала и начинала слегка злиться, как ребенок, которому папа не может четко и внятно сказать, кто сильнее – кит или слон...

Токарев заулыбался еще шире:

– Наверное, лучше... Его манера – «добрее». А Сева... Он, прежде чем перейти в обмен ударами, говорит себе: боли нет, боли нет...

– Подожди, – Аня непонимающе затрясла головой. – Так говори не говори, боль-то есть? Или это типа самогипноза?

Артем погладил девушку по волосам, прижал к себе:

– Если я себе сейчас скажу, что боли нет, а ты мне дашь сковородой по голове, то боль будет... А если мы на ринге, то адреналин решает эту проблему. Временно. Поняла?

Аня неуверенно кивнула и тут же задала новый вопрос:

– А Леша – добрее, потому что умнее?

Токарев ответить не успел – кто-то выше и левее, как оказалось, прислушивался к их разговору:

– Добрее он, потому что слабее. Слабак он. Его и не боксер урыть на улице сможет.

Голос прозвучал резко, почти агрессивно. Не поняв, кто говорил, Артем закрутил головой, ощупывая взглядом лица зрителей. Никто на его взгляд не откликнулся.

Аня по-женски мудро успокаивающе стиснула руку Токарева, но сама не удержалась от язвительного замечания:

– Уж не вы ли уроете-то?

– А не в этом дело...

И снова голос прозвучал словно ниоткуда. Токарев начал привставать, чтобы обернуться и найти глазами говорившего, но Аня силой усадила его на место:

– Да не обращай ты внимания... Даже я понимаю, что с Лешей на улице никто не справится – кроме такого же боксера... Правда?

Токареву показалось, что сверху прошелестел смешок... Артем нахмурился и ничего не ответил, потому что вспомнил историю, приключившуюся с ним пару недель назад...

...Его тогда занесло по делу в район улицы Шкапина. К нужному адресу он пробирался «огородами» – проныривая через дворики, потому что опасался стычки. Точнее, не опасался, а не хотел ее – зачем? Ответить-то он сможет, но на хрена попу гармонь? А «шкапинских» в те времена втайне боялись все. Хуже их были только «чубаровцы» в двадцатых годах, которые подарили русскому языку слово «гопник» (ГОП – городское общежитие пролетариата).

Впрочем, сейчас уже мало кто помнит о «чубаровцах», о садике Сан-Галли...

А в семидесятые годы улица Шкапина и район Нарвских ворот пользовались самой дурной славой. Это был тот еще райончик – паутинные бараки, нищая закусь дешевого пойла, безразличие к одежде и шакалья удаль подростков из неблагополучных семей... Все в этом районе было по-горькому, по-заводскому... И бились там люто – кость в кость. И менты там лютовали не меньше, чем ватажники, – если били, то в мясо, в синь и с перекурами. А если кто-то скулить начинал, ему в лицо гыкали: «А чего ты хотел? Мы давно так живем, Обводному каналу молимся...»

Несмотря на все предосторожности, Артем, подходя к Балтийскому вокзалу, разумеется на «шкапинских» все-таки наткнулся. Их было пятеро, и вся компания заслуженно причисляла себя к сливкам шкапинского «общества»: Гера – Быстрый Олень, Валера – Подножка, Саша Эймер по прозвищу КВН, Петя – Юнкер да Вадик – Мокша. Артем их, конечно, не знал по именам и кликухам, но этого и не требовалось. Лица и повадки говорили сами за себя.

Увидев чужого, шпана рассыпалась, как гиены, нашедшие раненого волка. Заводила – Гера – шагнул вперед, маскируя прищуром огонь в глазах.

Тренер учил Артема нападать первым, отец – отвлекать чем-нибудь неожиданным.

– Скажите, пожалуйста, сколько времени?

Токарев спрятал часы в карман заранее, еще до встречи с ватагой, поэтому и смог опередить своим вопросом подобную же «заводку» со стороны «шкапинских».

Гера чуть удивился, но тут же нашелся:

– Тебе точно или можно приблизительно?

– Можно приблизительно, – кивнул Артем, дружелюбно улыбаясь и показывая всем своим видом, что не боится. Шакалы – они ведь чувят запах страха и реагируют на него мгновенно.

– Так только что ведь, – засуетился Гера и продолжил, переходя на пениевой: – «Прогудели три гудочка...»

– «...И зати-ихли вдали, – подхватил Подножка. – А чекисты этой ночью на облааву пошли».

Артем вздохнул – ясно было, что эти не уймутся, но он все еще надеялся избежать драки грамотным поведением:

– Спасибо. Большое спасибо.

– Слышь, а мы тут руль просыпали, – вместо «пожалуйста» пожаловался Мокша.

– Ага, – кивнул Гера, – ыщем, ыщем, а все без толку. Не находил?

Токарев понимающе кивнул и спросил вежливо:

– А без мордобоя – никак?

– А ты что, крови пугаешься? Обмороки бывают? – осклабился Подножка.

– По ночам не ссышься? – заломил бровь Мокша.

– Может, у тебя завтра контрольная по арифметике? – гыкнул Гера, показав наполовину сломанный в драке клык.

– А к логопеду в детстве ходил? – вступил в хор Саша КВН.

Друг друга они подхватывали легко и непринужденно, словно с душой играли спектакль, выдержавший уже сотни представлений.

– Ходил молился – не помогли! – Артем шагнул вперед. Он думал, что шпана оценит его смелость и спокойствие – он играл по «обратной» логике – не убежал, а сокращал дистанцию. Но со «шкапинскими» психологизмы не срабатывали. Улица Шкапина не позволяла себе благородства – его отрицали тощий карман, подобранные окурки и почти поголовная судимость отцов – если таковые имелись.

Гера «просчитал» Токарева мгновенно, на инстинкте:

– Извини, милоч, проверочка... – Он якобы расслабился и даже по-человечески улыбнулся. – Сам откуда?

– С Гавани. – Артем еще сторожился, но плечи уже опустил, сдержав вздох облегчения. Подвоха в слове «милоч» он не почувал.

– И куда? – продолжал Гера. – Мы не в помощь? – Продолжая улыбаться, он протянул Токареву руку для пожатия.

– Да я... – начал было Артем, но пожать протянутую руку не успел – Гера воткнул большой палец ему в гортань.

Токарев задохнулся, даже захрипеть у него не получалось – сразу же кто-то ударил по глазам, еще один – вроде бы Мокша (за секунду до этого демонстративно отвернувшийся) – локтем, как бревном, пробил живот. Артем упал, попытался совладать с дыханием, подтянул ноги к животу, закрыл руками голову... Били недолго, терпимо. Гера сел Артему на спину, сплюнул в сторону и непонимающе пожал плечами:

– С Гавани, а неученый?!

Его размышления привлек радостный всхлип Мокши, виртуозно ловко обшаривавшего карманы Токарева:

– Котлы! Припрятал, падаль!

– Слушай, какие они все в Гавани жадные – жуть...

Для служебного пользования

Убийство. Кировское РУВД

1 сентября 1986 года в 18 часов 05 минут в своей квартире 134 дома 132 по Обводному каналу со слепым огнестрельным ранением головы обнаружен труп Эймера А. Ф., 1963 года рождения, не работающего, ранее судимого, и с ножевым ранением груди труп Лауренайтиса Я. П., 1965 года рождения, уроженца Литовской ССР, проп. город Каунас.

Выезжали: и. о. зам. нач. УУР ГУВД Егоршин, нач. 2 отдела УУР Жаголко с личным составом, отв. от рук-ва ЭКУ нач. 1 отдела Чурин, прокурор криминалист Новиков, зам. нач. РУВД Голобенко, нач-к ОУР Устименко с личным составом, зам. нач-ка 29 о/м Привезенцев с личным составом, следователь прокуратуры Сорокина, ЭКУ – Ткачева, ЭКО – Ульянов.

КП – 687 по 29 о/м.

Возбуждено уголовное дело по статье 102 УК РСФСР.

Сообщено в МВД СССР.

С места происшествия изъяты отпечатки следов пальцев рук, отпечатки следов обуви, следы материи, гильза калибром 6,35 мм.

В ГУВД по телефону «02» сообщила служба «03» в 18–10.

В ГУВД сообщил зам. нач. РУВД Голобенко в 20–53 01.09.1986 г., оконч. в 2-20 02.09.1986 г.

Под общий хохот шпана перешагнула через Артема. Юнкер нарочно наступил старой красно-синей кединой Токареву на щеку:

– На столе лежит покойник – тускло свечи горят. А это был убит налетчик – за него отомстят!

– Зря ты, Юнкер, – неожиданно остановил кореша Гера. – Не плюй в колодец.

– Хавэлло у него ментовское...

– «Не прошло и недели... Слухи-то-олки пошли – трех легавых провертели во помин его души...»

«Красная Газета» от воскресенья, 12 сентября 1926 года, писала:

НАГЛОСТЬ ХУЛИГАНОВ ПЕРЕШЛА ГРАНИЦЫ.

УСИЛИМ ВОСПИТАТЕЛЬНУЮ РАБОТУ!

ВЫРВЕМ МОЛОДЕЖЬ ИЗ ЦЕПКИХ ЛАП ПЬЯНСТВА И РАЗВРАТА!

...Ближе к «Красному треугольнику», за Балтийским вокзалом, на ул. Шкапина, Розенштейна, собирается порочный и преступный элемент: хулиганье, налетчики, проститутки, их кавалеры, торговцы кокаином. Здесь, главным образом, идет пьянка, за ней спор, драка, грабежи...

...Беспримерный случай наглости и насилия, совершенный в Чубаровом переулке, всколыхнул рабочие массы. Рабочие и работницы «Красного путиловца» и «Красного треугольника» в один голос заявляют о том, что этот гнусный факт насилия переходит всякие границы.

Хулиганы бросили вызов, наглый вызов нашей революционной законности, всей нашей рабочей общественности, всему Ленинграду.

То, что среди хулиганов нашлись и рабочие, еще усугубляет их вину. Мало того, что они не ценят своего пролетарского происхождения. Своими выходками они бросают тень на всех рабочих.

Наш ответ – к бандитам беспощадно применять наивысшие меры наказания.

Правосудием и расширением культурно-просветительских учреждений мы вырвем из рядов хулиганства нашу пролетарскую молодежь...

Шпана с чувством выполненного долга удалилась, песня утонула в мутной воде Обводного канала.

Артем отдышался. Обиды он не чувствовал, наоборот, радовался, что, в общем, легко отделался. Могло быть и хуже. Радовало то, что все кончилось – и обошлось малой кровью.

Эмоции нахлынули позже – когда Токарев приводил себя в порядок в туалете на Балтийском вокзале. Кадык болел, глотать получалось с трудом. Но душа болела сильнее – она не соглашалась с тем, что мир устроен не так, как хотелось бы...

Вечером, рассказывая о своем приключении отцу, Артем по-взрослому признал:

– Я ошибся...

Токарев-старший вроде как даже обрадовался (хотя перед этим с беспокойством ощущивал сыну кадык):

– Молодцы! Красиво! Запомни: тебя не били, тебя делали!

Артем, ожидавший большего сочувствия, катнул желваками на скулах:

– И в чем мораль и вывод? Как быть впредь?

Токарев-старший пожал плечами:

– Впредь – не быть, а бить! Подошел – нахамил, сразу бежать – резкий разворот, сбиваешь первого, бьешь ногами, не глядя, по-уличному, прорываешься сквозь них, хватаешь кирпич, бьешь в колено второму, все кулаки в бровь и челюсть третьему – отскакиваешь, дышишь... Либо успокоятся, либо ты увидишь финку – тогда беги по-настоящему, дышалки у тебя хватит.

– А если я с девчонкой?

Отец вздохнул:

– Тогда... Порезут. Если повезет – в больнице заштопают. Или – на погост.

– Жестко, – покрутил головой Артем.

– Правдиво, – хмыкнул отец...

...Голос Ани заставил Токарева очнуться от неприятных воспоминаний:

– Артем... Артем, ты что, не слышишь? Я говорю, что с Лешей на улице только такой спортсмен, как он, справится... Ну, если один на один... Правда?

Токарев оглянулся еще раз и чуть громче, чем следовало бы, ответил:

– Правда... Если один на один и если это будет не взрослый рукопашник...

Почудилось или нет скептическое хмыканье сверху? И вообще, почему Артема так задели, и не только задели, но и обеспокоили реплики какого-то незнакомого хмыря? В этих репликах была какая-то агрессия, какая-то угроза – реальная, но очень странная, совсем не такая, какая исходила, например, от напавших на Токарева «шкапинских». «Шкапинские» были злы, коварны, но тем не менее понятны и, как это ни странно, естественны в своих поступках. А вот от незнакомца шла какая-то совсем другая эмоция – темная, холодная и абсолютно непонятная. Чужая...

Разобраться в своих ощущениях Токарев не успел – Анька возбужденно сжала его руку и даже привскочила:

– Смотри, смотри!

На ринге вспыхнула рубка – на бокс это уже мало походило. Леха и Сева, остервенившись и практически не уворачиваясь, начали просто бить друг друга – каждый пропустил по несколько ударов. Зрителей как будто подхватило – трибуны заулюлюкали, послышались выкрики, свист, аплодисменты невпопад.

На очередном ударе Торопова вздрогнула и вжалась носом Артему в плечо:

– Ой, Тема... Как будто по мне лупят! Как они такое выдерживают.

Токарев досадливо сморщился и, не слушая подруж-к у, заорал:

– Леха, Леха, зря, не надо! Леша, в свой футбол играй, в свой!

Артем кричал, зная, что Суворов его не слышит – во время боя боксеры почти никогда не слышат трибун: ватный гул, хрип своего дыхания и дыхания соперника – вот и все...

– Тема, Тема! – Аня нервно теребила Артема за рукав. – Так кто побеждает-то?

Токарев махнул рукой:

– Смотри! Лешка держится – преодолагает, а Сева – он улыбается. Значит – это месиво Севе нужно, он на нем выигрывает.

Напряжение зала разрядил гонг, возвестивший окончание раунда. Артем вскочил и, оставив Анну на скамье, бросился к рингу. Там, в красном углу, тренер что-то сердито выговаривал Суворову. Тренер Гордеева, наоборот, выглядел довольным, он громко и азартно вколачивал в уши Севе, словно гвозди забивал:

– Че ты с ним танцуешь? Прижми челюсти и при! Пропустил, не пропустил – давай! Ты его сломаешь, он тебя боится! Боли нет! Пропустил – и серия в голову! Лоб подставь – и серия в голову! Ты утюг – он белье! Пошел, пошел!..

Сева кивал и улыбался.

Тренер Суворова, увидев Артема, с досадой мотнул головой:

– Тема, хоть ты скажи этому... герою...

Токарев прижался к красному уху Лешки:

– Леш, ты слышишь? Лех, ты на отходе его лови, не переходи в обмен, он тебя специально в обмен тянет, это не твое, слышишь? Вы разные! На отходе – левой сбоку, сбоку, покажи справа и давай левой! Корпус, корпус – и в башню! Давай, Леха!

...Но второй раунд оказался для Алексея еще более плачевным, чем первый. Трибуны визжали от Севиного напора. Леша еще раз поддался на провокацию оваций – не утерпел. К концу раунда его глаза заплыли, а Сева улыбался все более уверенно. Гордеев держал прямые удары, подставлял виски под боковые и обрушивал страшные серии на Суворова.

Трибуны ликовали.

– Еще пара минут – и конец... – сказал Артем притихшей Ане. Леху спас гонг.

Второй раз к рингу Токарев не пошел. Он остался сидеть с подружкой – до них долетали сердитые слова тренера:

– Леша, ты что делаешь? Профессионалов нанюхался? Может, тебе еще жевательную резинку дать и шелковый халат? Мы на соревнованиях или на Пулковских высотах в 41-м? Чего ты из себя корчишь? Сева так устроен, он негр с белой кожей. Ты его не пробьешь, слышишь?!

– Наверяд ли он слышит, – усмехнулся Артем.

– Почему? – вскинула брови Аня. – Потому что по ушам бьют?

Артем невесело рассмеялся:

– По ушам бьют за карточным столом. Понимаешь, сейчас вокруг него шум – и все...

...Третий раунд пролетел очень быстро – Алексей держался более уверенно, в обмен не шел, а в конце и вовсе сделал красиво – уходя в сторону, он пробил два раза Севе в корпус, нырнул справа, обманул и дождался-таки своего бокового левого... Сева зашатался, стал опускаться на колени.

– Еще раз! – заорал восторженно Артем. – Вот она, техника!

Гонг не дал Алексею добить Гордеева. Не хватило нескольких секунд – а еще сил, скорости, опыта и выносливости. По очкам победил Сева – с минимальным преимуществом. По внешнему виду, впрочем, его преимущество было более очевидным.

– Ну вот! – когда рефери объявил победителя, Аня от досады даже ударила себя кулачками по коленям. – Все напрасно!

– Напрасно – девушку у памятника с букетом часами выжидать, – сорвался Артем, употребив позаимствованный у отца афоризм. – Леха молодец, ему просто чуть-чуть не повезло... Боксер не тот, кто не пропускает и не падает, а тот, кто поднимается... А Лехе – и подниматься не надо, он и не упал, и с Севой их бой по-настоящему не закончен. Не последние соревнования – Леха свое возьмет.

– Не возьмет, – приговором упала фраза сверху, и Токарев, взорвавшись, вскочил на ноги и обернулся:

– Да кто там каркает-то все время?! Объявитесь, уважаемый!!!

Но увидеть Артем смог только спины потянувшихся к проходам зрителей – соревнования еще не закончились, но болельщики, видимо, решили размять ноги и освежиться. Напрасно Токарев бешено вращал глазами и пытался идентифицировать анонимного собеседника. Никто из зрителей не проявил желания продолжить разговор в открытую.

Аня Торопова тоже поднялась и, положив Артему руку на грудь, сказала:

– Да брось ты, Тема, что ты реагируешь на всяких... Скажи, мы Леху ждать будем?

Токарев еще несколько секунд следил глазами за уходившими зрителями, пытаясь вычислить своего странного собеседника, – что-то слышалось тревожное в его репликах... Но что? Ощущение ускользало, его было очень трудно сформулировать...

– Что? – перевел взгляд на девушку Артем. – Леху? Нет, Леху мы не ждем. Он сейчас, после душа, ни с кем разговаривать не захочет. Пойдет домой спать, но не заснет. И тогда, недовольный, начнет искать меня. Вот тогда и поговорим.

– Точно? – удивилась прогнозу Аня.

– А то я Леху не знаю, – усмехнулся Артем. – Ему сейчас немного отойти надо. А вечером – увидимся и нормально пообщаемся...

...Они действительно увиделись вечером, но встреча эта оказалась совсем не такой, на которую рассчитывал Токарев... поскольку ей предшествовали весьма странные и даже отчасти трагические для Алексея события.

...После окончания быстрой и не очень торжественной церемонии награждения призеров соревнования Суворов долго сидел (стоять не было сил) в душе под сильным потоком воды, поглаживая рукой шершавый, но все равно осклизлый кафель. Легче не становилось – внутри все гудело, да и снаружи – тоже. Сева, надо признать, настучал по чугунку от души. Устал, наверное, лупить так сильно – кулаки сточил, поди...

Одевался Леша медленно, натягивая брюки – чуть не упал... Тренер не стал терзать его «разбором полетов», понял состояние ученика и лишь вяло махнул рукой – мол, после поговорим.

Надо было еще доехать на тряском трамвае до дома – а голова очень чутко реагировала на все рельсовые стыки. Полторы остановки удалось посидеть, а потом в вагон вошла пожилая женщина, и Леша, умудрившись собрать волю в кулак, встал, хотя организм и сопротивлялся благородству: «Сиди ровно, закрой глаза. У нас нет сил на вежливость!»

Проходя через свой двор, Суворов поднял руку, приветствуя завсегдатаев беседки. Там пили портвейн «Иверия» – дорогой, за 2 рубля 42 копейки. Леше тоже предложили, но он мотнул головой, и его чуть не вырвало – то ли от мысли о портвейне, то ли от собственного резкого движения...

В парадной перед вторым пролетом, у почтовых ящиков, Лешин взгляд наткнулся на чью-то спину в клетчатой рубашке. Руки, приделанные к этой спине, копались в почтовых ящиках, а у ног фигуры стояло помятое ржавое ведро, набитое газетами. С тех пор как за сданную макулатуру стало можно получать талоны на приобретение дефицитных художественных книг, почтовые ящики часто обчищались любителями чтения и спекуляцией на книгах. Разъяриться у Леша не хватило сил, еле разлепляя губы, Суворов тихо и неагрессивно сказал:

– Эй, макулатурщик... Вали отсюда, пока мозг о череп не ударился!

Чугунно-непослушной ногой Леша выдал клетчатому легкий пендель, чтобы ускорить процесс. Фигура съежилась, как и положено, хныкнула: «Простите меня...» А дальше... Дальше правая рука, незнакомца безвольно свисла к набитому газетами ведру и... Суворову почудилось, что кто-то сбоку наотмашь ударил его рельсой: гул, боль, какие-то вспышки

в мозгу. Закрыв глаза, он уперся ладонями в колени, почувствовал, как что-то мягкое толкает его, и упал в темноту...

Очнулся он, лежа в неудобной позе на ступеньках. Леша почувствовал на лбу что-то неправильное, поднял руку и убедился, что с головы свисает лоскут кожи вполлба, вместе с бровью. Кровь уже не текла, а устало выдавливалась из раны... Рядом лежало ведро, наполовину заполненное обломками кирпичей. Леха понял, почему удар получился таким страшным.

– Веселый разговор, – прохрипел сам себе Суворов и на карачках пополз к своей квартире...

...Минут через сорок подъехал тренер (по счастью, до него Леше удалось дозвониться сразу) и хирург. Врач, человек уверенно спивающийся, но профессионал, осмотрев Суворова, бодро хмыкнул:

– Ни хера страшного не вижу. Вижу одно – с боксом завязано. Не ссы – умнее будешь.

– Это как же?.. – растерянно спросил Леха, ища глаза тренера, который, засопев, отвернулся и ушел курить на кухню.

– А так же! – рыгнул перегаром эскулап. – Зашьем, подлатаем. Не Мерлин... Брандо – сойдет. Но! При первой же хорошей плухе все начнет на хрен отваливаться.

– Вы... вы... – от волнения и отчаяния Суворов начал даже заикаться. – Вы на вечный технический нокаут намекаете?

Врач вздохнул, глаза его подобрели и даже подернулись дымкой сочувствия:

– Сынок... Я намекаю, что не надо в парадных шайками мордовать... Все! Сиди ровно. Снимаю мерку. Через полчаса съездим в «травму», все зашьем в лучшем виде. Жить будешь. Может, без бокса еще и проживешь подольше...

...Артем успел подъехать к Суворову еще до того, как его повезли в «травму».

Токарев выслушал сбивчивый рассказ приятеля, задал дополнительные вопросы, осмотрел оставшееся на лестнице ведро с кирпичами...

...Лешке Артем не стал ничего говорить, но сам постоянно вспоминал странного анонима на соревнованиях, утверждавшего, что и в одиночку он сможет урыть Леху... Совпадение?.. Но отчего такая тоска на душе, будто с чем-то потусторонним соприкоснулся, будто из кошмарного сна выныриваешь, в котором царят какие-то жуткие личности – упыри, вурдалаки и прочие мистические монстры?..

...Когда тренер и врач повезли Лешку в «травму» зашивать, Токарев пошел на работу к отцу. Опыт соприкосновения с жизнью и работой уголовного розыска был у Артема уже достаточным для четкого понимания того, что зацепиться в этой странной истории с ведром не за что. И тем не менее Токарев хотел посоветоваться с отцом, потому что внутреннее напряжение не проходило, потому что интуиция подсказывала: беда, случившаяся с Лешкой, – это не обычное хулиганство, это что-то другое – совсем не понятное, а потому – страшное...

Отца он застал в кабинете, когда тот беседовал со своим заместителем Петровым (по прозвищу разумеется, Петров-Водкин) о том, что необходимо срочно переписать книгу КП. Дело в том, что несколько заявлений от потерпевших граждан (а точнее, не несколько, а более двадцати) вообще не были зарегистрированы. Система липы и очковтирательства, навязанная министерством, принуждала работающих на земле делать вид, что абсолютно все заявления фиксируются. В действительности же огромный процент этих заявлений шел «генералу Корзинкину». Естественно, иногда случались сбои – чья-то жалоба, плановые заявления от подставных заявителей, проверки инспекции по личному составу. А книга КП представляла собой пронумерованную полистно и прошнурованную глутетрадь. Из нее ни листа нельзя было вырвать или, наоборот, вклеить в нее что-то. Ее можно было только переписать сызнова – меняя почерки, цвет чернил, подделывая подписи, – то есть совершить

еще одно привычное должностное преступление в устойчивой группе территориальных оперов, дежурной части, да и всего руководящего звена. Где-то раз в три года почти каждое отделение милиции с переменным успехом эту операцию проделывало и – выходило из кризиса. Недреманное око государево – прокуратура, которой полагалось надзирать за милицией, – была частенько если и не в доле, то уж по меньшей мере в курсе... Вот в этот ответственный момент составления плана на фальсификацию официального документа Артем и заглянул к отцу.

– О! – обрадовался Василий Павлович. – Заходи, прям вовремя ты – у тебя ж почерк набитый, взрослый. Нам позарез нужно набрать человек восемь своих...

– Много задержанных? – спросил, думая о своем, Токарев-младший.

Отец укоризненно хмыкнул:

– Пока ни одного – и не до них. К утру не сдюжим – разжалованных будет с лихвой.

А вы, сударь, невнимательны – я про почерк заикнулся, а не про кулаки...

– Опять липуете, – понимающе кивнул Артем.

Петров-Водкин возмущенно вскинул брови:

– А ты знаешь другой путь к счастью?

Токарев-младший, не желая вступать в бессмысленную дискуссию, неопределенно повел плечами и обратился к отцу:

– Пап, минутка есть?

– Не бзди, сын, какая минутка – мы будем жить вечно... Чего стряслось?

– Леху Суворова избил...

Василий Павлович усмехнулся:

– Водкин, ты слышишь, что творится-то?.. Боксеру по морде надавали.

– Не может быть! – сделал строгое лицо Петров-Водкин. – Да как же им не стыдно!

Артем вздохнул:

– Я серьезно... Его отоварили в парадной, били ведром с кирпичами. Полброви – как слизало. На соревнованиях Леха больше никогда не сможет выступать... Он только сегодня второе место по городу взял...

Василий Павлович помотал головой:

– И в чем проблема?

Артем упрямо наклонил голову:

– В этом... Непонятно все... Его как будто ждали специально...

Токарев-старший прищурился:

– И в чем странность? Боксеру, твоему корешу, в парадной навалили. Почему-то ведром. И что? Странно, что бьют обычно в голову, или странно, что ведром? Цапнулся твой Леха где-то со шпаной, вот они его и встретили... Мы-то чем помочь можем?

Токарев-младший понимал, что отец говорит так не от черствости, а потому, что знает реальную практику работы УРа, и все равно не согласился – душа протестовала:

– Леха никогда ни с какой шпаной не бился, предпочитал по морде получить, был случай – он же понимает, что у него удар страшный. Леха – он вообще почти «толстовец». Здесь что-то другое... Позвони...

Василий Павлович нахмурился, давя в себе раздражение:

– Кому и зачем? Я бы сказал: на хера? Злодей пойман?

– Нет...

– Тем более... Слушай, давай делом займемся. Леша твой жив, очухается, до свадьбы – заживет. Давай набирай разных авторучек – присоединяйся к нарушителям социалистической законности. И не забивай мне голову...

– Подожди, папа...

И Артем все-таки рассказал подробно, сухо и детально все, что узнал о нападении со слов Алексея и по результатам своего осмотра лестничной клетки. Много времени рассказ не занял.

– М-да, – сказал отец, когда сын замолчал. – Водкин, слышал?

– Угу, – кивнул Петров.

– Тогда – мнение подбрось!

Петров-Водкин пожал плечами и почесал в затылке:

– А что тут... Несовершеннолетний мудака тырил газеты и журналы из ящиков, рядом почему-то стояло ржавое ведро (не факт, что он с ним пришел, его кто угодно мог приволочь по миллиону причин). Он складывал газеты в ведро, чтобы проходящие не увидели беспорядка. Получил поджоппник – испугался – отмахнулся. Попал удачно – ваши не пляшут. Все – лейся песня!

– Во, – одобрительно кивнул Токарев-старший. – Моя школа! С ходу, правда, не раскрытие, а – сокрытие, но – на то воля товарища СТАТИСТИКА.

Артем сжал зубы и, понимая, что, наверное, ничего убедительного добавить не сможет, все же попытался еще раз:

– Пап, я не спорю, но... Понимаешь, мы сегодня с Анькой на соревнованиях были, как раз Лехин бой смотрели... И я назвал его манеру доброй... А там был какой-то чувак странный, он выше сидел, я его лица не видел, он комментировать начал... Что, мол, доброта – это всегда слабость и проигрыш и что, мол, Леху и на улице урывать – не фиг делать... Анька ему еще сказала что-то типа, мол, попробуй...

– И что?

– Ничего... Но он очень как-то странно говорил. Знаешь, как будто рассуждал, что сильная личность – может все... Нездорово так рассуждал, тревожно... И сразу после этого – Леху чисто и грамотно делают и ничего не берут при этом... Не случайное это совпадение...

В кабинете повисла тишина. Потом Петров-Водкин хрюкнул, но тут же, сделав серьезное лицо, направился к выходу:

– Я сейчас. Вы тут поговорите пока, а я за ручками.

Отец и сын остались в кабинете вдвоем. Наконец Василий Павлович сказал негромко:

– Ну и как прикажешь реагировать? Водкин – человек деликатный, потому здесь ржать не стал, к себе пошел... Все – харэ трепаться! В то время как все здоровые силы пытаются уйти от уголовной ответственности, совершая новое должностное преступление, то есть борются за переходящий вымпел лучших по раскрываемости имени Сутулова, некоторые переживают из-за разбитой хари... Позор!

...Чуть позже, чувствуя все-таки обиду и несогласие сына, прилежно писавшего новую КП, Василий Павлович вернулся к, казалось, уже закрытой теме:

– Ты пойми... Дело ведь не в том, что лень морочиться... Просто... Понимаешь, я без малого двадцать лет в розыске – и не видел ни одного фильма и не читал ни одной книги, где бы хоть как-то похоже рассказывалось о том, как на самом деле совершаются и раскрываются преступления. Потому что в книгах и фильмах должно быть красиво и интересно. А в жизни – в жизни все намного проще и приземленнее. В абсолютно подавляющем большинстве случаев самая простая и банальная версия и оказывается самой реальной – наиболее близкой к тому, что на самом деле случилось. Но есть любители романтизировать – и у нас в розыске, кстати говоря, – тоже. Знаешь, такие пиздоболы, которые вместо того, чтобы работать, начинают версии перебирать – и заходят, бывает, далеко. Мне и про Достоевского доводилось слышать, и про мистику, и даже, извини, про внеземные цивилизации. Это – дело такое только начни, так заговориться можно – до сумасшествия один шаг оста-

нется... Люди так себя сами утешают и развлекаются – чтобы жизнь не казалась слишком серой, обыденной и прозаичной... «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»... или «все возвышающий»? Неважно. Это я к чему – по поводу Лехи твоего... Там, с ведром, – действительно что-то... Какой-то перебор...

– Так скажи своим, в отделении, – вскинул голову Артем.

– Что сказать? – перебил его отец. – Что с ведром перебор? Что были какие-то странные слова непонятно кого на соревнованиях?

Артем молчал – крыть было нечем. Василий Павлович улыбнулся и потрепал сына по волосам:

– У этой странной истории есть две более-менее логичных версии, вытекающих из той информации, которую ты мне сообщил. Версия первая: у нас в городе появился некто – будущий (а может быть, уже и настоящий) суперпреступник и монстр. Вынашивая амбициозные планы и готовясь к будущим суперпреступлениям, этот гражданин тренируется пока на боксерах – призерах городских соревнований. То есть мы имеем пролог жуткого кошмара. И кровушки этот упырь, не оставляющий следов, и которого даже не разглядеть в толпе, еще попьет. Версия вторая: просто шпана, просто какие-то детали мы не знаем. Может, и Леха – по миллиону своих сугубо личных причин – не хочет говорить всего. Может, он чьей-то жене или дочке под юбку залез, а теперь стесняется... Короче – простая история, в которой мы просто чего-то не знаем. Ну, а теперь скажи мне: какая из двух версий приведет нас в сумасшедший дом, а какая – если и не даст раскрытия, то хотя бы позволит нам остаться нормальными людьми в реальной, а не киношной жизни?

– Вторая, – через силу, но все-таки улыбнулся после небольшой паузы Артем.

– Слава Богу, – с облегчением вздохнул отец. – А то я уж думал, что ты... это... Бубен Верхнего Мира услышал... Мистика – это дело такое, серьезное. Головой ебануться очень легко... А что касается моих, из отделения, – просто на реверансы для Лехи людей нет. У нас сейчас как раз серия – развратные действия по малолеткам. И она – под сукном. Но – вчера поймали эту мразь. Сейчас из него выколачивают душу. Доказательств – ноль. Ты сам понимаешь, какие приметы и опознания у испуганных детей в 10–12 лет...

Потому – либо выбьют и закрепятся, либо – могут быть проблемы.

– Понимаю...

Больше к истории с Лешей Суворовым не возвращались. Артем понемногу успокоился, умом приняв правоту отца. Самое странное заключалось в том, что опытный розыскник Токарев действительно интуитивно угадал в одной из двух своих с ходу выдвинутых версий. Но Артему стало бы по-настоящему жутко, если бы он узнал, какая из этих версий действительно – реальная...

Тульский

10 сентября 1979 г.

Ленинград, В. О.

Артур жмурился на сентябрьском московском солнышке, раскинув руки на деревянной изрезанной перочинными ножами скамье. На душе было легко и ровно, клонившийся к оконцовке день не обещал неприятных сюрпризов, а вечером он собирался с ребятами завалиться на дискотеку в университетскую общагу – там у Тульского появилась знакомая, первокурсница с экономического. Девушка приехала в Питер из Новгорода, Артура по наивности тоже принимала за студента... Короче, планы были самые что ни на есть хорошие...

– Эй, Артур! – со смехом окликнул чуть придремавшего в тепле Тульского Вася Пряник, занявший в их ватажке место ушедшего в армию Гоги. – Тут маменькина сопля интересные набои дает. Хочешь постебаться?

Артур лениво отлип от скамейки. Рядом с Васей стоял щуплый паренек лет 15–16, по виду типичный очкарик – «интеллигент в маминой кофте» – нескладный, чистенько одетый и действительно в смешных очках – на резиночках между дужками.

– Из Крупы, что ль, – поинтересовался Тульский – не у незнакомого очкарика, разумеется, а у Васи.

Тот мазнул рукой:

– Какое – пришлый с Линии.

– Дожили, – вздохнул Артур. – Ну, тащи сюда провокатора...

– Цып-цып-цып, – тоненько пропел Вася Пряник, и очкарик, растерянно озираясь, подошел к Тульскому.

– Здравствуйте...

– Здоровее некуда, – ухмыльнулся Тульский, рассматривая паренька в упор. – С чем пришел? Небось двадцать копеек, которые мама на завтраки дала, отобрал кто? Так мы – пас, мы в опасные истории не вписываемся.

– Ага, – подхватил Вася. – Нас в комсомол принять обещали, у нас – испытательный срок, понимаешь...

– Не, – совсем застеснялся мальчик. – Я по другому делу. По серьезному.

– По серьезному? – ужаснулся Артур, а Вася, возмущившись, враз огрубел голосом:

– Да ты куда нас втравливаешь?!

– Никак рубль у тебя отняли? – догадливо прищурился Тульский.

У паренька задрожали губы, но он сделал усилие над собой и как мог твердо пролепетал:

– Нет, я по другому делу.

– Ладно, выкладывай, все равно – скучно, – милостиво махнул рукой Артур.

Парнишка глубоко вздохнул, как перед нырком, и вдруг выпалил:

– Только дослушайте до конца...

– Не обещаем, – развел руками Тульский. – Может, ты сквернословить будешь?

– Я не понял, – набычился Пряник. – «Только» – это что, угроза?

Очкарик смешался вновь, но тут же поднял голову, демонстрируя решимость идти до конца, несмотря ни на что:

– Родители заставляют меня заниматься музыкой...

– Аналогичная история произошла на Минской пересылке, – серьезно сказал Артур Васе. Пряник понимающе кивнул.

– Я прошу вас, дослушайте, – в голосе маленького интеллигента послышались нотки отчаяния. – Только вы мне можете помочь... Я хожу к репетитору, тут недалеко, на Второй линии, первый этаж...

– Рояль не белый? – прищурился с подозрением Тульский.

– Нет...

– Это меняет дело, – облегченно вздохнул Вася. Парнишка покрутил головой, нервно сжал пальцы и продолжил:

– Меня тошнит от музыки, от преподавателя и вообще... Я хочу... чтобы вы их ограбили... Не перебивайте, пожалуйста... Я все продумал. Когда буду у них пить чай на кухне – открою аккуратно щеколду на окне – оно выходит во двор... Форточку они не закрывают... У них семья приличная – муж какой-то ученый – книги, вазы, картины... Жена – учитель музыки... Там везде шкатулки, ящички. Я точно буду знать, когда они уедут на дачу. Дача, кстати, тоже – будь здоров. Заберите все – и им... ей, то есть... не до занятий со мной будет... какое-то время... А мне – отдайте спортивный велосипед, он в кладовке стоит. Все.

Парнишка шумно выдохнул, нервно вытер лоб. Какое-то время обомлевшие Артур с Васей не могли нарушить тишину...

Тульский потряс головой и уже абсолютно серьезным тоном, без прежней дурашливой издевки, сказал очень тихо:

– Похоже, действительно все...

Резким, неуловимым движением Артур схватил очкарика за волосы и пригнул к земле. Интересно, что сначала тело мальчишки инстинктивно среагировало, выгнулось, но мгновение спустя страх, видимо, победил – упругое сопротивление исчезло, парнишка рыхло осел, стукнулся коленками об асфальт. Вывернув мальчику голову, Тульский наклонился к нему вплотную, так, что почти дотрагивался своими губами до перекошенного лица:

– Я сейчас тебе глаз высосу... Опер по детям из 37-го послал?

– Какого 37-го? – запинаясь, чуть не заплакал юный ненавистник музыкального образования.

– Быстро... Князев подослал? Говори тихо и быстро – останешься зрячим...

Мальчишка захлебнулся не слезами и болью, а, скорее, – страхом и нервами.

– Уткт, уткт, – заходил по горлу его кадычок, глаза начали закатываться.

– Ладно, вставай, – Артур отпустил его, сунул руки в карманы и задумчиво наблюдал, как «интеллигенция» судорожно пытается прийти в себя...

– Ученый, говоришь?..

Мальчишка кивнул. Тульский цыкнул зубом, сплюнул и задал новый вопрос:

– Велосипед, значит? Ногти у твоей учительницы красивые?

– Да... Не очень длинные, такие – розово-голубые, пахнут...

Артур покивал:

– А муж курит «БТ»?

– Да... – удивление в голосе мальчишки нарастало.

– И телевизор – ненашенский?

– Да... черного цвета...

– И сыр режут тонко и кладут в одну тарелку?

Паренек широко распахнутыми глазами изумленно смотрел на Тульского, ничего не понимая:

– А вы... Вы что, их знаете?

Артур вспомнил квартиру Дины, несостоявшейся своей любви, и ухмыльнулся жестко:

– Профессура... За границей бывали, публичные дома видали... Так когда они на дачу едут?

Парнишка оживился:

– А вы... Я – узнаю, узнаю точно.

– Как тебя найти, пианист?

– В 11-й школе... Точнее... лучше у школы с трех до четырех, мы там почти каждый день в «минус пять» играем...

– Ну ладно, – подытожил беседу Тульский. – Рисковый ты, я смотрю, паренек... Иди. Настроение будет – потолкуем. Да, про глаза – помни, Князев один, а нас – много.

– Кто такой Князев? – не удержался от вопроса мальчишка, уже готовый припустить прочь с высокого старта.

– Тебе не грозит, – дернул уголком рта Тульский. – Исчезни.

Понукать дважды очкарика не пришлось – улепетнул он шустро, как воробей от вороны. Артур, прищурившись, смотрел ему вслед, а потом перевел взгляд на Васю, не проронившего во второй половине «допроса» ни слова. Пряник почесал в затылке:

– Ну что? Есть тема?

Тульский покачал головой:

– Порожняк, пустые хлопоты... А пацаненок забавный, даром что очкарик... Есть в нем что-то... Такой подрастет, злобу подкопит – и учительницу свою прям на рояле

отдрючит, а потом струной от того же рояля ей же и горло распахтает... Варшава говорил, что интеллигенты, когда до края доходят, – зверствуют поболее простых – с выдумкой и фантазиями... Начитаются в своих книжках... Ладно, забудь. Постебались маленько, атмосферу колыхнули – и хорош...

Вася спорить не стал, хотя видно было, что мнение Тульского он разделяет не до конца. Но Артур был для Пряника авторитетом практически непререкаемым, а стало быть – забыли так забыли...

На самом же деле Тульский ничего забывать не собирался – он, что называется, вполне «закусил тему». Просто Артур сразу же вспомнил слова Варшавы о том, что, чем меньше людей в теме, тем меньше и риска запалиться. А Вася – он пацан, конечно, свой, но языком почесать любит, да и пуд соли с ним еще не съели. Пусть забудет, от греха, так оно спокойнее.

Варшаву Тульский нашел примерно через час у Андреевского рынка – вор сидел в будочке у своего приятеля, глухонемого айсора-сапожника, ждал, пока тот поставит набойки ему на ботинки. Варшава новую обувь страсть как не любил, предпочитал донашивать старую до последнего. При этом за ботинками своими вор следил почти по-офицерски, они всегда у него были начищены до какого-то невероятного глянца.

Подкатившись к профессору уголовных дел, меланхолически перебиравшему пальчиками ног в одних носках, Артур азартно выдохнул вместо приветствия:

– Варшава, можно сделать вещь.

– Делай, – с философским спокойствием ответил вор, не проявляя внешне никакого любопытства и даже не поворачивая головы в сторону бьющего копытом представителя подрастающего поколения. Однако совсем уж дотошный наблюдатель заметил бы, что морщины вокруг глаз Варшавы стали чуть глубже. Артур помялся и слегка сбавил тон:

– Мне одному – не взять.

У вора дрогнули ноздри:

– А ты что, брал когда-нибудь?

Тульский смутился и в этот момент вдруг стал похож чем-то неуловимым на давешнего паренька-очкарика.

– Ну, по мелочи... А тут...

Варшава беззвучно рассмеялся и сощурил один глаз:

– С самоката на «Волгу» пересесть хочешь?

Артур самолюбиво нахмурился: он не любил, когда его щелкали по носу, – от Варшавы терпел, конечно, но все равно не любил – не маленький уже.

– Так рассказать?

– Объявляй, – пожал плечами вор и прикрыл глаза. За все время рассказа он ни разу не прервал Тульского, не открыл глаз и все время чуть покачивал головой, словно в такт какой-то звучащей внутри него мелодии. Когда Артур замолчал, Варшава открыл глаза и задумчиво сказал:

– Как все просто...

– А что смущает? – Тульский готов был защищать тему, потому что уже считал ее своей.

Вор помолчал, потом дернул бровями уже серьезней и энергичней:

– Не оперская прокладка?

Артур мотнул головой:

– Я на «рэ» проверил – вроде нет...

Варшава принял из рук айсора левый ботинок, надел его, удовлетворенно притопнул и лишь после этого сказал:

– Нутром своим проверять надо, а у тебя его еще быть не может, потому как жизнь пока еще всерьез не мордовала... Хотя... Хотя в жизни все нормальные темы просто всегда случаются... А где не просто, так там палево или блудень... Как фамилия пионера?

Слово «пионер» Варшава произнес на старинный «манэр», так что получилось очень смешно. Но улыбнуться Артуру не позволила досада на собственную оплошность – он в азарте забыл даже поинтересоваться самым элементарным – как, собственно, зовут очкарика...

Ощувив неловкую паузу, вор остро глянул Тульскому в глаза. Тот вздохнул и признался:

– Не знаю.

– Имя? – не удивляясь, спокойно спросил Варшава. Артур опустил голову и еле слышно засопел, злясь на самого себя.

Варшава надел правый ботинок, пожал айсору руку и встал, потянувшись всем телом. Тульский молчал. Вор дробно стукнул новыми набойками короткую чечетку на асфальте и оставил Артуру шанс:

– Гуляй, не скучай. Выяснишь все – приходи под хорошее настроение...

На следующий же день Тульский отправился к 11-й средней школе, что располагалась на 17-й линии. Очкарик не соврал – его фигура действительно наблюдалась в своре школьников, игравших теннисным мячиком в «минус пять». Артур понаблюдал за игрой, прислушался – ему показалось, что «интеллигента» называли Савеловым... Прежде чем окликнуть нового знакомого, Тульский схватил за шиворот пробегавшего мимо парнишку-школьника – судя по всему, учившегося в этой же школе, только классом помладше:

– Обожди-ка, голубок... А ответь-ка мне на такой вопрос: видишь, пацаны с мячом? Знаешь того, который в голубой рубашке?

Школьник с перепугу захлопал глазами, таращась на Тульского. Артур нахмурился и встряхнул мальчика – легонечко, только чтоб сосредоточился:

– Харю-то повороти, глянь, куда показываю! Вопрос уяснил али уши прочистить?

– Этот... Вроде наш, из девятого «Б». Перевелся к нам.

– Откуда перевелся? – удивился Тульский. – А фамилия, имя?

– Не знаю, – заныл школьник. – Он же не из нашего класса... Можно я пойду?

Тульский отпустил пацаненка:

– Ступай, бабушка небось щи второй раз подогревает. Скандал будет.

Подойдя к игрокам в «минус пять» поближе, Тульский перехватил мгновенно ставший опасливым взгляд очкарика и мигнул ему, дескать, – подойди. Тот подлетел мгновенно, только что по стойке «смирно» не встал. Артур усмехнулся:

– Ну что, Савелов... Не ждал?

Музыкант-горемыка глянул исподлобья и ответил вопросом на вопрос:

– А откуда... Как вы мою фамилию узнали?

Тульский с важным видом цыкнул зубом:

– От нас не скроешься... Звать-то тебя как?

– Никитой...

– Велосипед-то не расхотел, Никита?

Савелов помотал головой:

– Нет...

– Ну, тогда давай адрес, присмотрюсь.

Очкарик засуетился, зачем-то сунул руки в карманы, потом помотал головой и выдавил из себя, будто страшную тайну раскрывал:

– Вторая линия, дом 34, квартира 3. Удаловы...

Тульский кивнул, запоминая:

– Ясно... За подробностями приду. О, кстати, из какой школы ты сюда перевелся?

Савелов аж в коленях просел от неожиданности:

– А откуда... Понятно... Я – из 13-й, а что?

– Ничего, – ухмыльнулся Тульский. – Не вибрируй. Иди, пинай мячик.

Савелов побежал обратно к игрокам, Артур посмотрел ему вслед и бросил в спину для понта:

– А я в твои годы уже воровал!

(Хотя по всему выходило, что очкарик-то почти ровесником ему приходится).

Савелов услышал, обернулся и развел руками, устало улыбаясь. Странная это была улыбка. Что-то в ней покорило Артура, вот только он никак не мог сформулировать – что именно. Слишком взрослой, что ли, эта улыбочка была для интеллигентного парнишки-музыканта из хорошей семьи? А еще – еще в ней было что-то и вовсе непонятное, что-то такое... чужое. И даже жутковатое, но в этом Артур никогда бы сам себе не признался – это ж курам на смех! Очкарик-музыкант, улыбнувшийся так, что жуть берет, – расскажи кому, скажут, лечиться надо... Однако, пожалуй, именно странное ощущение, возникшее от улыбки Савелова, заставило Тульского смотаться до 13-й школы и поинтересоваться у тамошних девятиклассников насчет Никиты Савелова – оказалось, действительно, учился такой, но с нового учебного года в другую школу перевелся... Артур успокоился и для себя решил, что проверка закончена. Позже он будет вспоминать эту историю, как иллюстрацию различий между реальной информацией и тем, что тебе специально подсовывают. Принять за правду легче всего то, на что ты заранее настроен как на правду... А Тульскому очень хотелось, чтобы тема с богатой квартирой срослась. И тема помаленечку срасталась...

Тульский пошеркался вокруг квартиры Удаловых – окно действительно выходило во двор. Подойдя совсем близко, Артур слышал звуки рояля, увидел сквозь щель между дорогими занавесками книжные полки с втиснутыми в них старинными книгами... Все складывалось.

На следующий день Тульский снова «навестил» Савелова – тот пообещал, что в пятницу защелка на окне будет открыта, а Удаловы на дачу уедут. А еще Никита сообщил, что самая дорогая вещь в квартире – какие-то старые шахматы просто безумной цены. Улыбаясь (и совсем даже не жутко, а скорее беззащитно-боязливо), очкарик поинтересовался, когда и куда ему приходиться за велосипедом. Артур назначил ему рандеву в субботу вечером – все у той же школы № 11.

Варшава переварил сведения, полученные от Тульского, вызвал двух своих хорошо знакомых жуликов (Чиркани и Беста) – послал их перепроверить. Те понюхали, повдыхали... Согласились, что тема внятная.

– Делаем! – решил Варшава. Однако при этом объявил, что Артур в квартиру не пойдет.

– Незачем пока, – отрезал вор, отвечая на немое возмущение в глазах Тульского. Артур счел такое решение чуть ли не личным оскорблением – однако спорить с Варшавой не решился, зная, что бесполезно.

– Да ладно тебе, – ухмыльнулся Чиркани. – Доля твоя при тебе будет, не парься!

Артур с трудом сглотнул комок в горле – дело было не в доле, и все это прекрасно понимали.

...В пятницу вечером Чиркани с Бестом, расположившись во дворике, пронаблюдали за тем, как Удаловы уезжают на дачу. Дальше – просто. Дождались, пока двор опустел. Потом Бест подсадил напарника, Чиркани аккуратно влез в квартиру, открыл дверь изнутри и тут же вышел, не захлопывая замка, – перебежал в садик. Посидели, подождали, – не работает ли сигнализация, не появятся ли менты. Все было тихо. Тогда, посвистывая, отправились уже через дверь ценности собирать. А в квартире действительно было чем поживиться – воры нашли почти шесть тысяч рублей, золотишко, шубу норковую, статуэтки, пару картин, навороченный радиоприемник, магнитофон и явно очень старинные тяжеленные шахматы с серьезным замком – видимо, те самые, о которых говорил очкарик.

Велосипед для Савелова никто даже и не трогал – хотя он, между прочим, в квартире действительно был.

Когда воры зашли в квартиру, из подъезда напротив выскользнула невысокая фигура и добежала до ближайшего телефона-автомата. Последовал звонок в милицию с короткой, но очень конкретной и емкой информацией о том, что по такому-то адресу прямо сейчас происходит квартирная кража. Звонивший не представился, но на сигнал, тем не менее, среагировали...

Когда Бест и Чиркани, груженные добром, вышли во двор, их подждал неприятный сюрприз – из-за дерева прямо на них, играя табельным оружием, выскочил опер – ментовское мурло ни с чем не спутаешь. Откуда-то с боков появились еще трое. В подворотне проходного двора нарисовался пятый.

Один из оперов кашлянул и обратился к остолбеневшим жуликам:

– Не валяйте дурака – медленно принимаем стойку «смирно».

– Или побегаем? Только у нас в кабинете лекарств нема! – подхватил второй мент.

Бест тяжело усмехнулся:

– Наши не пляшут... Пишем явку! Регистрируй! Явились добровольно, так как стыдно стало по дороге.

Чиркани повернулся к напарнику и зашипел:

– Ты чего за меня решаешь?

В этом вопросе была одна лишь эмоция, смысла же – никакого. И Бест мог не отвечать, но он ответил:

– Извини – можешь прорываться. А я пятилетку хочу отсидеть здоровым...

Дальше все было не очень интересно – протокол, следовательно, задержание, арест...

Бест и Чиркани дали показания, что никто их на квартиру не наводил, якобы они просто шли мимо и увидели, что окно открыто... Но самое интересное началось потом, когда выяснилось, кому принадлежит квартира. В ней действительно проживала семья Удаловых, вот только товарищ Удалов был никаким не ученым, а заведовал отделом в горкоме партии...

...Утром в субботу на прямой телефон заведующего орготделом обкома партии поступил телефонный звонок – молодой достаточно голос, явно волнуясь, рассказал о неудавшейся краже из квартиры товарища Удалова и о том, что воры прицеливались прежде всего на антикварные шахматы, цена которых – как минимум – полсотни тысяч долларов. Милиция-то сработала, слава Богу, как надо, а вот откуда у партийного функционера такие ценные вещи – с этим бы надо разбираться отдельно... Звонивший не представился, что заведующий орготделом объяснил себе просто: честный и молодой сотрудник милиции просто испугался мести со стороны Удалова... Заведующий орготделом звонку обрадовался – аноним бросил зерно в удобренную почву, будто зная то, что знали немногие, – как хозяин кабинета, куда последовал звонок, ненавидел Удалова – были между ними какие-то старые личные счеты. Если информация подтвердится – антикварные шахматы поставят на карьере Удалова жирный крест...

В понедельник с утра начальнику следственного отдела Василеостровского РУВД Сипягину позвонил начальник РУВД Власов:

– Степа, там у тебя дело по квартире на Второй линии свежее...

– Есть такое дело, – согласился Сипягин. – Так с поличным же там, все признались...

Чик-чи-рик – и в суд!

Власов тяжело засопел в трубку:

– Чик-то оно, может, и чирик, а только там какие-то шахматы изъятые имеются?

– Имеются, – подтвердил Сипягин. – Тяжелые, старинные, дорогие. Я их даже, от греха, к себе в кабинет занес. Завтра собираемся потерпевшему отдавать.

Власов помолчал, а потом вдруг рявкнул ни с того ни с сего:

– А вот ни хера не чик-чирик, Степа! Бери шахматы и дуй ко мне. Потолкуем.

Однако потолковать с глазу на глаз им не пришлось, потому что, когда Сипягин с шахматами добрался до кабинета Власова, там уже присутствовали гости: как навскидку определил начальник СО, – комитетчик и какой-то партийный функционер.

Оценив обстановку, Сипягин водрузил шахматы на стол и сказал хмуро, обращаясь к Власову:

– Вот шахматы, но они уже «того»?

– Чего «того», молодой человек? – не понял партиец.

– Какой я вам «молодой человек»?! – взвился тридцатисемилетний Сипягин.

– Степа, Степа, – успокаивающе привскочил Власов. – Товарищ – представитель обкома.

– И я при нем молодею, что ли? – огрызнулся Сипягин, но уже тоном ниже.

Опытный комитетчик решил выступить в роли миротворца:

– Товарищи, товарищи... Ну при чем тут!!! Милиция – блистательно среагировала, следствие ведется безупречно, мы нос не суем в чужие дела, преступление совершено в отношении высокопоставленного партийного работника...

Чекист говорил долго, складно и убедительно. Сипягин слушал его хмуро, дождался паузы и вставил:

– Мое дело маленькое. Я просто хочу заметить, что шахматы официально изъяты у задержанного, уже опознаны женой потерпевшего, следовательно провел осмотр и признал их вещественными доказательствами. Раз они такие ценные, то я могу сегодня же отдать их высокопоставленному партийному работнику...

Комитетчик и партиец переглянулись, а потом оба серьезно посмотрели на Власова. Начальник РУВД крикнул и вдруг блеснул непонятно откуда взявшейся эрудицией:

– Шахматы стоят десятки тысяч долларов... Долларов!!! Конец XVIII века... Их один король другому подарил где-то в Европе.

– Не где-то, – поправил комитетчик, – а, по нашим данным...

Сипягин устало махнул рукой:

– По мне – хоть в Швамбрании!

Власов кивнул:

– Степа, ты сам все прекрасно понимаешь. Вещь пока полегит у меня. Мы с товарищами разберемся.

Сипягин пожал плечами:

– Вы-то разберетесь, а что мне потерпевшему говорить?

Комитетчик и партиец снова переглянулись, после чего сотрудник «карающего меча партии» решил представиться:

– Моя фамилия – Кисель, телефон – 278 68 09. Если у товарища Удалова возникнут вопросы – пусть позвонит мне. Тем более что и у нас вопросы к нему имеются. Серьезные вопросы. А шахматы... Шахматы мы вскоре у вас официально заберем.

Совершенно секретно
НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА КОНТРРАЗВЕДКИ
4 АРТИЛЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА
подполковнику тов. *Виноградову*

СПЕЦСВОДКА № 7

По делу – формуляр
на рядового 100

Артбригады – Калистратова
Петра Павловича

На Ваш № 445 от 31 января 1947 года.

По делу-формуляр на рядового Калистратова работают два с/осведомителя «Максимов» и «Новиков». Разработка Калистратова ведется в направлении установления его службы в немецкой армии и принадлежности к немецким разведорганам.

За последний период от агентуры, работающей по делу, получены нижеследующие материалы:

С/о «Чикилев», не имеющий отношения к разработке Калистратова, на явке 18.11.1946 года донес:

«7 ноября 1946 года во время торжественного обеда солдат Калистратов проявил недовольство празднованием: сказал: к празднику и обеда хорошего не приготовили, затем сказал на этот обед и музыку еще тянут, она только делает сумасшедшее настроение, кроме того, играют и сами не знают что».

С/о «Максимов» 18.11.46 года сообщил:

«Во время читки „опровержения ТАСС“ Калистратов сказал о том, что Советские самолеты бомбили Гаминдановский район, чтобы затеять войну».

Этот же осведомитель на явке 15.01.47 года донес следующее:

«Калистратов рассказывал ему, что в 1943 году был угнан немцами в Латвию, где работал ординарцем у некоего Гаймана. Носил немецкую форму. При отходе немецких войск мародерствовал, отбирал велосипеды, ценности у латышей. Калистратов сказал, что однажды он ударил латыша топором в плечо и забрал у него из квартиры драгоценные шахматы. Когда он нес шахматы прятать, то один немецкий офицер увидел его и спросил, кто он такой? Калистратов вынул свой документ и показал. Офицер не стал его обыскивать, но отобрал шахматы, что расстроило Калистратова, поскольку он полагал, что шахматы могли обеспечить ему безбедное существование в Германии. Также Калистратов сказал, что при подходе Красной Армии он сбросил свое обмундирование, надел цивильное и бежал в глубь Германии, где и был освобожден американцами...»

– Да хоть дело забирайте!

– Нет, нет, дело вы оставите себе. А вот шахматы – нам. И – никто ничего не слышал, надеюсь – объяснять не надо? Или – требуется дополнительная проработка вопроса?

– Боже упаси! – усмехнулся Сипягин. – Куда нам, сирым и убогим...

– Все, Степа, свободен, – недовольно поморщился Власов.

– Интересные у вас кадры, – успел услышать Сипягин, закрывая дверь в кабинет начальника РУВД. Власов что-то забубнил в ответ, оправдывающее плохой характер начальника следственного отдела. «Похоже, пиздец товарищу Удалову», – констатировал мысленно Сипягин, направляясь к себе в кабинет. Будущее показало, что он в прогнозе не ошибся...

Из выступления начальника РУВД перед оперсоставом подразделения по итогам работы за полугодие 1982 года

– ...Не могу не отметить оперуполномоченных Жаринова и Арцыбашева. Надеюсь, присутствуют? Замечательно. Встаньте.

...Лавры борьбы с хищениями социалистической собственности не дают им покоя. Так, 29 мая сего года эти аристократы сыска забрали из дежурной части задержанного за мелкое хищение с кожевенного завода гр-на Ковальчука. Воспользовавшись тем, что он был практически невменяем от алкоголя, убедили написать объяснение, где Ковальчук признал хищение 800 метров пошивочного материала! Более того, обманув дежурного от руководства зам. начальника РУВД по полит. части подполковника Ждановича, дали сводку раскрытия по городу! Управление БХСС, не разобравшись, выехало на фабрику. Директор фабрики – кстати, РУВД его подшефный объект, – названивает мне, орет: «Ратуйте!» – а я – «ни ухом, ни рылом»!

(Хихиканье в актовом зале, перешептывание, слышатся: «Как обычно!»)

Тридцать седьмое комментирует?

Выяснилось, что карманники... тьфу... оперуполномоченные Жаринов и Арцыбашев додумались одну похищенную катушку ниток гр-ном Ковальчуком именовать 800-ми метрами пошивочного материала!

(Приглушенные смешки)

Отставить смешки! И мотивировали они это ориентировкой ГУБХСС от 28 мая в отношении каких-то там хищений с фабрики города Поты.

Андреев! Вы аж прослезились. Если старший группы обладает таким чувством юмора, какой будет следующий фортель? Токарев, мне надоело покрывать этих диверсантов!

(Уже нескрываемый общий смех)

А мне не до смеха! Если бы не их чутье на жулье...

(Хохот)

Я вижу, убойная группа больше всех веселится. Напрасно. Коснемся ситуации с вылавливанием утопшего возле Горного института...

Никита Савелов, скромный очкарик, на назначенную встречу за велосипедом не пришел. Все попытки Артура найти его оказались безрезультатными. В одиннадцатой школе удалось выяснить у девятиклассников следующее: в начале сентября действительно откуда-то возник парень, представился Никитой Савеловым, сказал, что переводится в эту школу. Парень был очень компанейским, веселым, сразу стал вливаться в коллектив будущих одноклассников, хотя на уроки еще и не приходил, – говорил, что родители какие-то формальности утрясают. В юном возрасте «своими» становятся быстро... А в тринадцатой школе сказали, что настоящий Никита Савелов переехал с родителями в Москву еще в июне...

...Рассказывая обо всем об этом Варшаве, Артур вспомнил странную улыбку Савелова – стало быть, не случайно она тогда показалась жуткой. Но передавать свои эмоции вору Тульский не стал – и так-то обосрался дальше некуда, еще и сопли какие-то показывать...

Варшава долго молчал – они сидели с Артуром на лавочке в садике Академии художеств. Тульский не выдержал:

– Я ничего не понимаю!

– Это в твоём возрасте нормально, – вздохнул вор.

– Кто, сука? Кто? Зачем?

Варшава помолчал, поскреб в затылке. Хмыкнул:

– Если бы мог вот так сразу... жил бы в Гаграх, ходил бы в чесучовом костюме...

Все малеха заврались. Мальцу обещали лисапед, который никто не собирался ему давать. А он не собирался его получать. Ты ерзал ради идеи – интересно и почетно, видишь ли... Я людей подбирал, рассчитывал на шахматы, хотел их цеховикам в Поты скинуть. Тоже кри-

вил душой, Беста и Чиркани в свои планы не брал... Мой знакомый опер кричит – шухер из-за этих шахмат дикий. Они какие-то особенные, обком-горком, короче – сам терпила спалился. ГБ-ЧК лютует, жалом водит – прям как в пятидесятые. Вот так. Если б я имел коня – это был бы номер, если б конь имел меня – я б, наверно, помер. Чует мое сердце – комитетовские это вонзили. Им по какой-то чекистской надобности потребовалось терпилу этого партийного с пробега убрать. Вот они тему и забодяжили. А их прокладки враз не срубишь...

Артур поднял голову:

– Так, значит... В смысле это что – разведка какая-то работала?

Варшава усмехнулся со вздохом:

– В смысле... Ну не пятнадцатилетний же паренек в глаженных штанишках?! И менты так не делают. Им подставы делать на квартире партийных деятелей – таких прав никто не выписывал отродясь... Чуйка говорит – чекистские дела. Плохо то, что они пацаненка не к кому-то подводили, а к тебе. Значит – информацию имеют. Конкретную. А это – плохо. Стало быть, тебе надо притихариться... У тебя, долбоебушка, чудом первая судимость не образовалась. А судимость – это штука такая – необратимая. После первой – судьбу уже не перевернешь.

Варшава рассуждал абсолютно здраво и логично, но он ошибся – точно так же, как ошибся Токарев-старший, оценивая историю, приключившуюся с боксером Лехой Суворовым. Варшава не мог не ошибиться. Даже ему, битому и ловленому вору, не могло прийти в голову предположение, что всю комбинацию выстроил и провел один человек – и кто? Несовершеннолетний мальчишка, сын одного из подчиненных товарища Удалова. И не просто подчиненного, а приятеля – они семьями дружили, в гости друг к другу ходили. А сынок подчиненного решил (самостоятельно, не советуясь с отцом) карьеру папе подтолкнуть, освободив один из пролетов партийной лестницы...

Опытнейший розыскник и засиженный вор в разное время и в разных ситуациях ошиблись на одном и том же человеке. Ошибившись, они не почувяли, что в неформальном пространстве Питера зажигается новая «звезда» – абсолютно невидимая, а потому – особенно страшная...

Токарев

Ноябрь 1979 г.

Ленинград

Говорят, что ожидание праздника доставляет намного больше положительных эмоций, чем сам праздник. Ведь ожидание – это всегда «мечтание», а мечта – она мечта и есть, она идеальнее и красивее реальной жизни. В канун праздника человеку подсознательно греется чудо, которым праздник может стать, – и, как правило, он им не становится. К тому же в России праздник чаще всего оборачивается горьким похмельем, а канун – канун как раз заканчивается праздником. Стало быть, даже подсознательно получается, что в ожидании праздника светлого и радостного больше, чем в самом событии...

Артем любил суетливые предпраздничные дни – и времени больше оставалось свободного, и люди как-то наэлектризовывались, и вообще – жизнь становилась какой-то другой, в нее словно входил какой-то дополнительный смысл. 6 ноября тренировка у Токарева-младшего закончилась почти на час раньше, чем обычно. Тренеры – тоже люди, им тоже надо было подготовиться к наступающим ноябрьским. Точнее, не подготовиться, а «прорепетировать» – судя по количеству бутылок, которые Артем успел углядеть в тренерской. Ну и чудесно – будет время с Анькой встретиться – и в конце концов решить, чем и где развлекать себя после демонстрации. Задумавшись, Артем шел через Румянцевский сад, где на лавочках кучковалась и шушукалась василеостровская шпана. Токарев многих из них

знал – совсем своим для ватажников он, разумеется, не был (все-таки сын мента и сам мент будущий), но и за чужака его не держали – Артема абсолютно устраивали такие отношения вежливого и, в общем, доброжелательного нейтралитета.

Его заметили. Лидер группы, девятнадцатилетний парень по прозвищу Вата, сказал что-то негромко и кивнул на Артема. Парнишка помладше (по прозвищу Хабарик), сидевший на спинке скамьи, ловко оттолкнувшись, бросился прямо под ноги Токареву – с таким видом, будто потерял что-то на дорожке. Артем ловко отскочил в сторону, Хабарик, под негромкие смешки дружков, выпрямился лицом к лицу с Токаревым и в своеобразной «манэре» поздоровался:

– Выше знамя советского спорта!

Артем покачал головой:

– Вот ты под колеса швыряешься – а мне из-за тебя сидеть!

Шпана шутку оценила, и смешки стали громче. Хабарик насупился:

– Жути нагоняешь, Артем Батькович?!

Токарев-младший очень не любил, когда ему даже в легкой форме намекали на то, что он, дескать, всегда может спрятаться за спину папы-милиционера, а потому мгновенно ошетинился:

– А при чем здесь «батькович»?

Вата спрыгнул со скамейки и, нагоняя солидность голосом, погасил преддверие конфликта:

– Борща!

Артем спокойно пожал протянутую Ватой руку. Постояли, перебросились несколькими ничего не значащими «светскими» фразами. Потом Вата, склонив голову набок, вдруг выдвинул неожиданное (похоже, и для самого себя) предложение:

– Артем, мы тут порешили к александровским набежать... Айда?

Токарев усмехнулся сам про себя: всяк готовится к праздникам по-своему – васи-леостровская шпана решила подразмяться на петроградской – а после удачного «рейда» и праздник станет веселее – будет чем перед девчонками понтануться... Артем хорошо знал, чем заканчиваются такие набеги одной шпанской ватаги на другую – нормальный человек в этом вряд ли бы углядел что-либо веселое...

– И чем провинились? – спросил Токарев из вежливости, зная, в общем-то, что для набега особой причины не нужно – нужно, чтобы настроение было.

Вата хмыкнул:

– А в изложении на заданную тему много клякс понаставили...

Артем кивнул, признавая серьезность повода, и улыбнулся:

– В троллейбусе все не поместимся...

Это был вежливый отказ, но Вата сделал вид, что не понял, и продолжал настаивать:

– Петроградские – тоже не «первый класс, вторая четверть». А у тебя – навыв. Айда?..

Токарев твердо покачал головой:

– Вата, извини, но... Если сочту нужным – сам напрошусь.

Вата вздохнул и глянул на Артема с прищуром:

– Странный ты пассажир... С одной стороны – с пионэрами макулатуру не собираешь, с другой – и с пацанами не мотаешься...

В этих словах вроде бы и угрозы никакой не прозвучало. Но тон, каким они были произнесены, явно похолодел. По скамейке словно ветерок прошел – шелестнули шепотки, а потом встал и шагнул к разговаривающим парень, уже имеющий условную судимость в биографии и творческой псевдоним Крендель. По лицу Кренделя было понятно, что он счел слова Ваты поводом к конфликту:

– Один на льдине?

Артем поймал его взгляд и автоматически отступил на шаг, поднеся руку к подбородку – якобы потирая лицо, а на самом деле принимая исходную позицию для отражения удара. Токарев отлично знал повадки шпаны и не тешил себя глупыми иллюзиями, что, дескать, для «василеостровских» он – свой.

– Тебе, конечно, видней, – сказал Вата, делая вид, что не замечает маневров Кренделя. – Но и мы в жизни подсобить иногда можем...

– Не сомневаюсь, – кивнул Токарев. – Однако меня – вычеркивай.

– Ну, что же, – поджал губы Вата. – Приношу извинения, если наговорил вам грубостей.

От некоторого внутреннего напряжения Артем не смог ответить легко и изящно. Его фраза вышла слегка высокомерной:

– Принимаю. И надеюсь, что больше...

Договорить ему не дал Крендель – среагировав на борзой тон «мусоренка», тот кинулся на Токарева. Артем увернулся и тут же попал левой Кренделю в плечо. Вата не дал разгореться стычке, спровоцированной, по большому счету, им же самим. Он встал между Токаревым и Кренделем с видом умудренного жизнью миротворца:

– Дуэли до лучших времен. Все. Волга! Без последнего!

И вся ватага мгновенно сдернула к выходу из садика. Убегая, Вата успел пожать Артему руку и со значением глянул. Токарев задумчиво смотрел вслед шпане – получалось, что Вата, остановив потасовку, как бы оказал ему некоторую услугу, то есть повесил на Артема мелкий, но должок...

Токарев подошел к телефону-автомату на 1-й линии и, порывшись в карманах, нашел двухкопеечную монету. Собираясь позвонить Ане, Артем сморщил лоб, вспоминая ее новый номер телефона, – цифры он запоминал почему-то плохо, а семья Тороповых летом переехала в новую квартиру – на Петроградской стороне, соответственно, и номер телефона изменился. Собственно говоря, изменился не только номер. Отец Ани, Александр Владимирович Торопов, резко пошел в гору – теперь он уже был не просто доцентом, преподававшим в инженерно-экономическом институте, а членом бюро горкома партии и председателем приемной комиссии города. Правда, на отношении к Артему его карьерный рост никак не отразился – Александр Владимирович был мужиком приветливым, с чувством юмора, и Токарева-младшего привечал чуть ли не любезнее всех в семье. Плохо (для Артема) было то, что в новую большую квартиру Тороповых на Петроградке переехал еще из Павловска отец Аниной мамы – недавно овдовевший пенсионер Ножнин Федор Алексеевич. Дедушка постоянно сидел дома, и Токареву почти не удавалось побыть с Аней наедине. «Квартирный вопрос» застопорил нормальное развитие сексуальных отношений – а тискаться и целоваться до одурения на лавочках, по подъездам и в кинотеатрах было уже тяжело – и морально, и физически. Анька вообще вела себя немного странно (опять же – с точки зрения Токарева) – она никак не могла решиться наконец расстаться с девичеством, при этом сексуальные игры ей очень даже нравились – видно было... Из-за этого вот компота в отношениях Ани и Артема появился даже легкий элемент извращенности, что постепенно начинало тяготить обоих. К тому же Аня теперь была дочкой «очень большого начальника» – то есть невестой с перспективой, а вот в «женихах» у ней состоял парень, для которого высшее счастье заключалось в том, чтобы стать оперуполномоченным в отделении милиции. И если Александр Владимирович Торопов в этом обстоятельстве ничего плохого не видел, то его жена и тесть постепенно объясняли Ане, что такое мезальянс и чем он плох по жизни. Аня с мамой и дедушкой бескомпромиссно ругалась, но в душе – в душе кое в чем соглашалась с ними. Артем и в самом деле не очень походил на принца, способного подарить своей избраннице весь мир. А себя Аня без ложной скромности считала вполне даже принцессой. Отсюда – возникали нюансы. И эти нюансы осенью стали проявляться все чаще и чаще...

Токарев вспомнил наконец номер и начал вертеть телефонный диск. Трубку на том конце провода снял Александр Владимирович. Артем кашлянул и поздоровался:

– Вечер добрый, Александр Владимирович. Аня дома?

– Привет-привет, – добродушно отозвалась трубка. – Как себя чу?

– Ну... – замылся Токарев и козырнул словечком, недавно почерпнутым из лексикона полковника Богуславского: – Если коротко – эклектизм...

– Че-го?! – опешил Александр Владимирович и тут же рассмеялся: – Тема, не пугай меня. Я родился в Нарыме, там за «измы» мигом бы пятак начистили!

Артем улыбнулся:

– А в Гавани и без эклектизма – это быстро.

– Ну, тогда нас окружают психически нормальные люди, – рассудительно сказал Александр Владимирович. – Зову.

Трубку перехватила Аня, не слышавшая начала разговора:

– Это я с мамой психически нормальная?

Токарев вздохнул:

– Ань, тебя поставили подсматривать, а ты подслушиваешь...

– Все понятно, – ничего не поняв, сказала Аня. – Встречаемся у Зоопарка минут через двадцать?

По прикидкам Артема, Зоопарк попадал в зону набега «васькиных», поэтому он после секундного колебания предложил другое место:

– Давай лучше у «Великана»?

– У зверей через двадцать минут! – отрезала Аня и повесила трубку. В последнее время ей обязательно нужно было хоть в мелочах каких-то, но настоять на своем. У нее вообще все явственнее прорезалась склонность к командирству, и эта склонность начинала Артема потихоньку бесить. С другой стороны, Токарев в таких ситуациях вспоминал заповедь отца, гласившую, что «с бабой по пустякам лучше не спорить. Уступишь ей в пустяке – ей и покажется, что она главная. Но это касается только пустяков, а не серьезных вопросов»...

Артем трусцой пробежался через Университет, прыгнул в удачно подошедший троллейбус, через пару остановок выскочил на Пушкинской и быстрым шагом пошел к Зоопарку.

А у Зоопарка тем временем кучковались представители петроградской шпаны – по виду не очень отличавшиеся от «васькиных». В кружке, состоящем человек из двадцати, председательствовал крепкий парень по прозвищу Сибиряк.

– Скоро должны появиться «васькины»... С ними могут прибежать и гаванские.

Один любопытный молоденький шкет тут же встрял с вопросом:

– А знаешь, откуда?

– Оттуда!

Шкету тут же отвесили леща, он заткнулся, и Сибиряк продолжил:

– Встречать их на катке я передумал. Мы пойдем...

– Куда? – снова встрял неугомонный шкет – и тут же понял, что влип, прикрыл затылок рукой, но это не помогло.

– Тащить верблюда! – под одобрительный смешок Сибиряка малец получил сразу пару пенделей и окончательно затих.

– Мы пойдем другим путем. План-схема: они нам причалят на троллейбусе со Стрелки, высадутся либо сразу, либо на второй остановке. Посему: ты, Саня, караулишь недалеко от моста, тебе хорошо будет видно нутро троллейбуса: время-то позднее, в салоне свет уже включили. Как высадутся – через проходные летишь к нам. Чего недопонял?

Парень, которого звали Сашей, кивнул и побежал к мосту.

Сибиряк продолжил:

– А мы сидим у старой школы. После известия от Сани – бегом к Зоопарку через дворы. Ты, шкет, – на сто метров впереди. Если на них натыкаешься – мухой назад. Наваливаемся возле заколоченной арки из-за угла. Палками и по ногам. Гоним в садик перед Мюзик-холлом – там, если что, от ментов легче скрыться. Все запомнили: учим всерьез, чтобы гонором своим харкали!

...На подошедшего к Зоопарку быстрым шагом Токарева шпана внимания не обратила, а вот он краем уха их разговор зацепил – плюс визуальное наблюдение кое-что дало: Артем отметил и стеганые ватники, и велосипедные цепи в руках у некоторых. В общем, информации было достаточно, чтобы понять: судя по всему, набег «васькиных» нарвется на засаду. Токарев задергался, понял, что Вату уже не предупредить, стало быть – нужно как можно быстрее перехватывать Аньку – вытаскивать ее подальше от этого района, где очень скоро начнется настоящая свистопляска. Аньку он поймал на подходе к Зоопарку – она была в настроении самом благодушном:

– И куда кавалер приглашает даму?

Артем, скрывая беспокойство, постарался улыбнуться в ответ:

– Давай по мороженому? А? В «Великане»? Только не надо иронизировать... Ну – хочу я мороженого! В шариках. После тренировки – знаешь.

– Знаю, – кивнула Аня. – Кто бы спорил. И вообще, мороженое – это очень эротично...

В другое бы время Токарев обязательно зацепился за тему эротики, но сейчас лишь криво улыбнулся и буквально потащил Аню к «Великану» через парк. Их обогнали два парня, двигавшиеся почти перебежками. В руках у них были черенки от лопат.

Артем замедлил шаг:

– Постоим минутку, Ань?

– Зачем?

– Шнурок развязался...

Токарев быстро осмотрел Александровский парк, взгляделся в улицу Горького:

– Все понятно...

– Что понятно? – Аня не понимала, что происходит, поэтому начала раздражаться – Шнурки не развязались?

– Да тут такие завязки... Давай-ка быстро по дорожке на улицу Горького, там – на другую сторону и – в глубь дворов...

– А там что – целоваться незаметнее?

Она по-прежнему не ощущала опасности, и Артем не выдержал и сорвался:

– Аня, сейчас здесь будет полный засос, уходим!!!

Но они не успели. По садику разнесся резкий двойной свист, в котором легко было угадать сигнал к атаке. Кто-то завопил: «Айда! Да!» А потом – топот десятков подошв и характерные звуки драки: «Шша...хрусть... ты-ы-ы...на...блядь!..» – «М...ы...м... А-а-а!»

«Васькины» не рассчитывали нарваться на засаду, поэтому психологически продержались лишь секунд двадцать, после чего их строй дрогнул и ватага ртутью брызнула по садику. Драка переросла в мелкие стычки. Это был полный крах. Один гнал троих. Кто падал – того добивали ногами. На дорожку прямо перед Артемом с Аней выскочил Вата. Его правый кулак был ободран до крови. За Ватой гнались двое, один из них успел воткнуть черенок лопаты между ног Вате – тот красиво растянулся на дорожке, сдирая себе обе ладони, подбородок и колени. Один из догонявших в прыжке попытался упасть двумя коленями Вате на спину, но не рассчитал и тоже проехался по дорожке. Второй оказался более удачливым – попал кедой Вате в горло. Первый быстро вскочил и пару раз ударил Вату по голове черенком от лопаты. Вата завыл, сжался и постарался перекатиться к скамейке – там из последних сил схватил было урну, замахнулся, но, получив ногой в голову и палкой по коленке, сник. Началось тупое тыканье ногами по телу.

...Все это произошло очень быстро, Аня даже сказать ничего не успела. С широко раскрытыми глазами она обернулась к Артему, но он ее слушать не стал:

– Стой здесь, я быстро!

Рванувшись с места, Артем подлетел к парням, избивавшим Вату, и с ходу сзади пробил одному печень. Второй получил два раза с левой в бровь, апперкотом в подбородок, а когда начал оседать – еще и сверху справа. Пацан откинулся на спину – рядом с дергавшимся от боли первым.

– Вата, как настроение?

Вата с трудом собрал свое тело в организм и встал. Его зашатало. Артем поймал его и направил в сторону Тучкова моста. Идти, однако, Вата не смог и присел на скамейку, найдя в себе силы лишь на усмешку:

– Думал, что в Париже ложки, а оказалось – вилы...

Между тем по садику разнесся вой милицейских сирен, и послышалось хлопанье дверей воронок – а эти звуки ни с чем не перепутаешь.

– Елки-моталки, – сказал Вата. – Мусара!

– И кто бы мог подумать! – иронично отозвался Токарев. – Ладно. Ты – не сбитый «ястребок», а я не белорусская девушка из партизанского отряда. Доберешься сам.

– Благодарю. Бывало хуже.

Артем бросился к нервно переминавшейся Ане, уже почти добежал, но услышал шелест шин по парковому граввию. Токарев оглянулся и увидел, что у скамейки, где отдыхал Вата, остановилась «канарейка». Два сержанта, лениво выйдя, одними пальцами подцепили Вату за одежду и вздернули его со скамьи. Тот из последних сил рванулся в сторону – слабо и прогнозируемо безнадежно – получил коленом в лицо и совсем затих. Тело потащили к газику. Открыв дверь, сержанты стали поднимать «мясо», в этот момент из отсека высунулась голова Сибиряка, который, ухватившись руками за дверь, попытался затеять разговор, чтобы, улучив шанс, выскочить:

– Командир, давай по-людски.

Сержант отпустил Вату (тот безжизненно стек на землю) и два раза ударил Сибиряка в лицо. Лицо исчезло.

– А мы и так пока по-людски с вами...

Токарев посмотрел на Аню, помотал головой, снова развернулся и быстро добежал до газика:

– Товарищ сержант, это мой брат... Я его, честное слово, сам до дома доведу.

Сержанты переглянулись, снова отпустили тело:

– Залезай.

Артем удивленно мотнул головой:

– А я-то с каких щей?

– Залазь! Достали!!! – рявкнул сержант и попытался ухватить Токарева за рукав. Артем увернулся и попытался вложить в голос максимум вежливости:

– Я вас по-человечески прошу. Отпустите его. Я поймаю машину и...

– Сынка, ты в багажник сам заберешься – или катаньем?

И тут Сибиряк выпрыгнул-таки из газика. Перекатился кувырком и дернул по газонам. За ним рванулся еще один, но этого сержант достал – пыром вогнал носок сапога в грудь. Парень переломился и упал. С досады сержанты врезали еще пару раз начавшему приходить в себя Вате. В этой нервной суете Артем схватил сержанта за рукав:

– Я прошу вас...

Сержант впился клешней Токареву в ухо, Артем вывернулся, оставив волосы в милицейской ладони, от боли машинально махнул правой – попал в область подбородка. Удар был не сильным, но губа у сержанта вспухла. Второй сержант мгновенно схватил Артема

сзади за волосы, перехватил шею, придушил, а его коллега пару раз точно пробил Токареву под дых. Артем обмяк, начал ловить воздух ртом и уже не сопротивлялся, когда его закинули в газик следом за Ватой...

Менты свою работу проделывали бывало, в общем-то без злости. Залезая в машину, пострадавший сержант слизнул кровь с губы и выругался с улыбкой:

– Ну что за жизнь собачья, морду бьют через дежурство! Хоть бы посадили за это кого-нибудь.

– А тебе полегчало бы?.. Или, думаешь, бить бы прекратили? – философски поинтересовался водитель, пытаясь завести «канарейку».

– Нет, серьезно, что за дела! Морда не казенная!

– А какая же? – хохотал водила.

– Ну тебя! И плотят...

– Началось... Один император на приказе об увеличении пенсии городовым начертал: «Я бы этой свинье вообще бы не платил, ибо сама себе пропитаться всегда найдет».

– Очень красиво! Это тебе в университете твоём преподали? И чему вас учат, юристов будущих, – ментов ненавидеть? Ты ж сам мент!

– Ладно, поехали в отделение. Все уже разбежались...

С горем пополам тронулись. Метров через двести водитель снова спросил:

– А чего ты из-за губы-то так распереживался? Любовь?

– Угу, – хмыкнул сержант, закуривая «Приму». – Тут одна понты кидала: «Я, знаете ли, курю только сигареты с фильтром», – я сбегал. «Я, вообще-то, предпочитаю сухое», – припер сухое с заднего хода. Я – то, я – се, чего желает дама... А результат? Гонорея!!!

Водитель грохнул хохотом и был поддержан даже некоторыми задержанными. А потом и сержант разулыбался. Вот так вот, с шутками и прибаутками прибыли в отделение...

Самое смешное – Сибиряк-то тоже далеко не ушел. Он выскочил на улицу Горького, а там как раз ехала оперативная «шестерка» с дежурным опером. На скорости километров двадцать в час опер открыл дверь и сшиб ею заслуженного учетника комнаты несовершеннолетних. Сибиряк, ошарашенный ударом, лежал ногами на мостовой, а головой – на тротуаре.

– Автомашина – это средство повышенной опасности! – назидательно сказал оперативник, поднимая беглеца и занося его на заднее сиденье «шестерки».

– Непруха! – очухался Сибиряк.

– Кто победил? – равнодушно поинтересовался опер.

– Да мы их сегодня... порубали... Слушай, – Сибиряк порылся в карманах и вытащил два рубля. – Купи пива, а? Чуть ведь не зашиб...

– А что, – пожал плечами опер. – Можно. Тпру!!!

...Постепенно в дежурную часть свезли всех задержанных и пинками разогнали по разным углам. Дежурный знал, что если сразу не нагонит жути, то до утра будет жить в сумасшедшем доме, а потому «дирижировал» властно и резко:

– Александровские – в пердильник! «Васькины» – в оперчасть на второй этаж. «Хочу в туалет» – квалифицируется как попытка побега. «Не знаю» – как хамство! Ребра выну и об колено переломаю!!!

– Все из карманов – на стол!

Сержанты подпихивали парней и ловко шмонали, все падало в общую кучу, но никто не жаловался и не требовал пересчитать мелочь или сигареты.

– У кого претензии? Заявления? Никто не хочет написать заявление? Все травмы от того, что случайно споткнулись? К сотрудникам претензии?!

Шпана пыхтела, но отмалчивалась. Таковы были правила игры: попал в плен – крепчай. Токарев тоже молчал. Он думал о том, как выбраться из этой истории, чтобы не уронить

репутацию отца. Но отец-то, в случае чего, – поймет. А вот Анька вряд ли поймет мотивы его поступка.

Оказавшись через некоторое время в «аквариуме», Артем сел на корточки и уткнул лицо в кулаки. Рядом хорохорился Вага:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.